

МАРГАРИТА ЮЖИНА

Под
каблуком
и синего
ботинка



дамский смешной детектив

Маргарита Южина

Под каблуком у синега ботинка

«Маргарита Южина»

2004

Южина М. Э.

Под каблуком у синего ботинка / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2004

В простом синем ботинке нет ничего зловещего. Но вот если он всякий раз появляется то под подушкой отравленной девушки, то перед глазами другой потенциальной жертвы – тут и до инфаркта недалеко. С летальным исходом. На это и рассчитывали те, кто положил глаз на наследство богатой старухи Агафьи Эдуардовны, владелицы нудистского клуба. Но люди, которые решились укокошить старушку, еще плохо знали монументальную женщину Клавдию Распузон! Именно она взялась за расследование этого пляжного дельца, перво-наперво толкнув собственного мужа Акакия на путь порока – устроив его работать в клуб нудистов...

© Южина М. Э., 2004

© Маргарита Южина, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	34
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Маргарита Южина

Под каблуком у синего ботинка

Глава 1

Не будите в даме детектива

Клавдия, пардон, Клаудиа, как она требовала себя называть, хотя так ее никто не звал, Сидоровна и Акакий Игоревич Распузон вчера только отметили тридцатилетие совместной жизни и сегодня отправились в свадебное путешествие. Крузиз назывался «Магазины города». Никого из гостей вчера Распузоны не приглашали и вовсе даже не из-за жадности. Просто при упоминании о возрасте Клавдия Сидоровна всегда кокетливо задирала глаза к небу и игриво ворковала:

– Ах, до сорокалетия мне ужасно далеко!

Акакий Игоревич знал, супруга не сочиняет, ей действительно далеко до сорока, но... в какую сторону. Поэтому при таком возрастном раскладе тридцатилетие совместного проживания в голове как-то не укладывалось. Дабы кому-нибудь не вздумалось уточнить количество прожитых зим и лет, решено было праздник проигнорировать, однако дети о красной дате не забыли и щедро одарили родителей деньгами. Пусть предки сами купят, чего пожелают, потому как угодить мамочке было категорически невозможно.

Многопудовая Клавдия Сидоровна, весом со средний трактор, уверенно продвигалась вперед и сметала с витрин все, начиная с ярких сувенирных ручек и заканчивая цветочными глиняными горшками, в том числе и для пальмы. Пальмочка в доме произрастала в алюминиевой кастрюле и была растением весьма тщедушным, но уж коль появились деньги, то пусть горшков будет несколько, да размером побольше, так, на всякий случай. Следом за супругой семенил хлипенький Акакий Игоревич, и из-за горы всевозможных пакетов, коробок и сумок была видна только его взопревшая лысина.

– Клавочка, может, присядем на ту лавочку, дух переведем, – пролепетал он.

– У настоящих мужчин дух не переводится, шагай веселее. Да спину не горби.

Несчастный Акакий Игоревич совсем было собирался рухнуть на землю, раздавленный покупками, но тут случилось непредвиденное – арбузная грудь его супруги, начинавшаяся прямо от шеи, провалилась куда-то в область живота, Клавдия Сидоровна стыдливо, по-девичьи, ойкнула и выронила крохотную сумочку из рук.

– Кака, у меня трагедия – лопнула ляжка от лифчика, надо срочно найти укромное местечко, я булавкой зацеплю, – зашептала она в потное ухо мужа. – Подержи-ка... Да что ты держишь, охальник! Сумочку подержи!

Акакий Игоревич зажал подбородком сумочку, потому что руки были заняты, и послушно стал искать глазами укромное местечко. Жена же, между тем, уже шествовала по центральному проспекту города, держа обеими руками разгулявшуюся часть тела, и выглядело это более чем неприлично.

– Сейчас в парк свернем, там много растительности, можно спрятаться. Кака, шевели же ногами, я тебя умоляю!

Наконец они добрались до парка, и Акакий Игоревич с наслаждением свалил пакеты на скамейку.

– Клава, зайди вон в те кусты, – посоветовал муж, и Клава, точно раненый слон, понеслась в кусты, ломая ветки.

Акакий Игоревич успел только присесть на скамеечку, как из кустов донесся гневный рык дражайшей половины:

– Кака! Куда ты меня послал?! Здесь на каждом шагу валяются пьяные обнаглевшие девицы. Не дай бог, еще и легкого поведения!!

Многострадальный мужчина поплелся к кустам. В тени колючего шиповника и в самом деле лежала приятная девушка, но она была вовсе не пьяна, а... Даже в тени листы было хорошо видно, насколько бледным было ее лицо, а белокурые волосы измазаны чем-то подзрительно темным. Девчонка что-то силилась сказать, но ее губы только беззвучно шевелились, наконец она собрала все свои силы и довольно отчетливо произнесла:

– По... можете... скажите ему, что... у меня будет... ребенок... – едва слышно полетев эти слова, несчастная замолкла, и тело ее обмякло.

– Кака! Ты слышал?! У девушки будет ребенок, она просила тебе это передать... А... почему это тебе?! Что, и здесь без тебя не обошлось?! – медленно обернулась Клавдия к супругу, и взгляд ее не сулил ничего хорошего. – Кака, немедленно отвечай! Девушка, потрудитесь уточнить, что именно вы хотели сказать?! И поднимитесь, у вас подол неприлично задрался, перед вами же какой-никакой, а мужчина!

Но девушка уже не могла поправить подол платья, и на мужчин ей было по большому счету уже плевать.

– Клава, мне кажется, она не вполне здорова... я бы даже сказал, она умерла...

– Кака, не сходи с ума, мне с тобой еще жить. Девушка! Что вы себе позволяете?! – возмутилась Клавдия Сидоровна и, присев на корточки, приподняла беднягу за плечи. – Ой... Так это ж наша знакомая! Ну, она у нас машину купила, ты что, не узнал? Милочка, поднимайтесь немедленно, я слышала, в этом парке нашли энцефалитного клеща, а вы под кустом...

– Клава, девушка действительно мертва, посмотри на свои руки. И вообще, не нравится мне это, пойдём отсюда быстрее, – засуетился Акакий Игоревич.

– Ты думаешь, она не притворяется? – оторопела Клавдия Сидоровна. – Тогда тем более не по-человечески бросать ее вот так, под кустом. И потом, а как же деньги?

Акакий Игоревич действительно решил избавиться от старого «жигуленка» и два месяца назад выставил своего стального коня на продажу. Покупателей не находилось. Или машинка уже окончательно сгнила, или цену за нее просили немилосердную, а скорее всего и то и другое, но хозяев поменять автомобиль не мог. И вот в прошлом месяце на пороге дома Распузонов появилось милое, очаровательное создание.

– Вы продаете «Жигули»? – спросила девчонка, сверкая белозубой улыбкой.

– Мы, а тебе чего, деточка? – грозой надвинулась на нее Клавдия.

– А я хотела приобрести это ваше средство передвижения.

Клавдия моментально преобразилась из гарпии в добрую тетушку.

– Берите, не машинка – игрушечка...

– Она семидесятого года выпуска, – некстати встрял Акакий Игоревич.

– Ой, уйди же с глаз моих! – отшвырнула Клавдия мужа мощным задом и засюсюкала, заглядывая девчонке в глаза: – А нам не важно, правда ведь, деточка, хи-хи, а мы, женщины, на возраст не смотрим, хи-хи, лишь бы бегала хорошо, правда же? Да еще чтобы покрасивее была, верно же?

– У нее еще и одна дверца не покрашена, помнишь, Клабочка, когда мы в столб врезались и машину повело.

– Девушка, не слушайте его, он у нас больной на всю голову, а машинку берите, не пожалее.

– Да я возьму, пусть даже с помятым крылом, мне все равно, – усмехнулась девчонка. – Только у меня к вам договор – тех денег, которые вы за машину просите, она не стоит, но я заплачу, только двумя частями. Первую отдам сейчас, а вторую через месяц, идет?

– А что ж не идет, идет, – заулыбалась Клавдия. – Вот через месяц расплатитесь и «Жигули» заберете.

– Нет, машина мне нужна сейчас. Я вам в залог оставлю свой студенческий билет. Все равно, выгоднее, чем мне, вы ее никому не продадите.

Как бы Клавдия ни пыхтела, а девчонка была права, и Распузоны согласились. И вот покупательница отдала лишь первую половину денег, а сейчас лежит здесь, под кустом шиповника.

Акакий Игоревич уже собрал пакеты и направился поближе к людям.

– Клава, пойдем отсюда. Сейчас позвоним в милицию и все расскажем. Они приедут, заберут. И никаких расспросов, допросов. А так начнутся повестки, разговоры, спросят, сколько тебе лет...

– Идем. Но у первого же телефона вызовем милицию.

Милицию они вызвали, все подробно расписали, и Акакий Игоревич резво рванул от телефонной будки.

– Какой ты мелкий, Кака, недобрый, – шипела ему в спину Клавдия, которая так и не закрепила свой бюст и теперь снова держала его двумя руками.

Со стороны можно было подумать, что перезрелая дама настойчиво предлагает себя маленькому, тщедушному мужичонке, а он удирает от нее вместе со всеми кулями, не рассчитывая на свои силы.

– Кака, ты маленький человек, не способный на высокие поступки, – ныла Клавдия до самого дома. – Оставить беззащитную девушку в темном парке... и даже не проверить ее сумочку!

Но муж только тоненько сопел носом и быстрее перебирал ногами, торопясь к спасительному родному крову.

Войдя в квартиру, Акакий Игоревич сбросил вьюки и побежал к холодильнику за бутылочкой пива. Он сегодня весь день, точно верблюд, таскал по городу неудобные пакеты, парился, потел и имеет право на тихий, спокойный вечер. А так как Клава удалилась в ванную и, похоже, надолго, то можно было и посмотреть это развязное шоу, где говорят пошлости, обсуждают щекотливые темы, всю программу швыряются друг в друга деньгами, а под конец кидаются друг другу на грудь со слезами счастья. Жена, конечно, тоже любит его смотреть, но во всех ситуациях, которые показывают на экране, почему-то виноватым всегда оказывается Акакий Игоревич.

– Вот-вот! И ты такой же! Я видела, как ты гладил соседскую кошку, наверное, представлял, что хозяйку за ухом чешешь! Уйди с глаз моих, изверг!!

Акакий же, боявшийся супруги до малярийной дрожи, неизменно в таких случаях преклонял плешь на могучую и горячую, как печка, грудь жены и восклицал:

– Клава, ты не права! Я не гладил кошку! Мое сердце принадлежит только тебе!

Жена теребила реденький пушок на его затылке и верила. Мир в доме восстанавливался. Но посмотреть передачу все же тянуло. Однако сегодня Клава как-то поторопилась с омовением, и Акакий Игоревич насладиться пошлостью не успел.

– Кака, ты несносный, низкий человек, – выплыла из ванной Клавдия Сидоровна. – Ты нашел под кустом умирающую девочку и даже не вспомнил, что она не отдала нам вторую половину долга за машину. Ты...

Ее нудную воспитательную речь прервал мелодичный звонок в дверь.

– Кого там принесло в такое время? – бухтела Клавдия, расправляясь с замками. Но едва она их открыла, как сразу ее голос кардинально изменился. – Жорочка! Голубь мой! Как же я рада!

– Я тоже рад. Только не могли бы вы меня не называть голубем, как-то, знаете, неловко... – смущенно бормотал молодой человек, протискиваясь в комнату.

Георгий Шаров был внуком одной старинной приятельницы Клавдии Сидоровны. Жорочка как-то зашел с бабушкой к Распузоном, увидел Анечку и окончательно пропал. Анечка, младшая дочь Клавдии Сидоровны и Акакия Игоревича, пошла в папу – имела хрупкое телосложение и огромные глаза. В отличие от родителя, у девушки имелась еще и длинная коса – такой растительностью батюшка похвастаться не мог. Клавдия Сидоровна при знакомстве молодых людей с дочерью всегда добавляла, что у Анюты имеется совершенно отдельная жилплощадь и новые австрийские сапоги. О том, что у Анны еще есть дочурка четырех лет, мамаша предпочитала не распространяться. А уж о том, что дочь работает в следственных органах, и вовсе мечтала забыть. У Распузонов был еще и старшенький сынок – Данила, но парень очень удачно трудился рядовым бизнесменом, имел легкомысленную жену Лилечку, парочку собственных магазинчиков, и его судьба родительской корректировки не требовала. А вот Анечкину жизнь мать все время пыталась наладить, поэтому и была несказанно рада Жорочке, когда бы он ни пришел.

– Садитесь, Жорж, вы мне позволите вас так называть? Кака, предложи гостю пива! Не видишь, у него все во рту пересохло! Жорж, вы меня извините, я вынуждена вас оставить, сделаю всего один звоночек.

Клавдия Сидоровна прытко выскочила из комнаты, и через минуту из спальни уже доносился ее зычный глас:

– Анюта! Ты должна немедленно приехать! Что значит, не можешь, ты же в отпуске! Я сломала ногу и не могу передвигаться, жду тебя через полчаса... Да, мне очень плохо, врачи сказали, чтобы ты купила бутылочку сухого вина... Да, и тортик шоколадный к столу... Да-да, это тоже врачи сказали.

Пока мужчины смотрели по телевизору спортивную чепуху, Клавдия Сидоровна суежилась на кухне, отгоняя пинками кота, который то и дело воровал со стола провизию. Аня пришла не через полчаса, а значительно позже, зато не одна, а с целой компанией. Естественно, про то, что с мамой приключилось несчастье, она тут же доложила братцу. И уже вместе с ним, с его женой и с двумя детьми Аня заявила к родителям. Дверь открыла сама Клавдия Сидоровна.

– Мам! Как же ты ходишь с переломом?! – накинулся Данил.

– Господи! Да я здорова, как пингвин, какой перелом?! – всплеснула руками мать.

– Так... Аня сказала...

– Она всегда все путает, проходите. Вы так вовремя пришли, вот у нас и Жорочка, на счастье, в гостях оказался.

Данила переглянулся с сестрой, мама была неисправима.

– ...Вы только посмотрите, Жорж, – ворковала Клавдия Сидоровна, сидя за накрытым столом спустя полчаса, – вы только посмотрите на это дитя! Яночка, детка! Правда, она ангел, правда? Яна – Анечкина дочь, а та вторая девочка просто так, знакомая. Вы не представляете, до чего Анна безотказна, чистая овца... овечка... коза... Ну в общем, чистый ягненок! Вот у нее подруга – Валечка, развелась с мужем, устраивает личную жизнь, а дочку постоянно на Аню бросает! Как будто Анечке не нужно своей жизнью заниматься. Вот Валечка поехала отдыхать в Прибалтику с новым мужем, а девочка опять у Анны околачивается...

– Мама!

– А что я сказала?

– Клавочка, Жоре совсем не интересны эти тонкости, – одернул супругу Акакий Игоревич, тщательно пережевывая холодец.

– А я не об этих тонкостях. Анечка, с нами сегодня произошла нелепая случайность. Помнишь, мы продали наши «Жигули»?

– И что?

– Представь, Анюта, ту девушку-покупательницу убили! Так жалко, прямо не знаю... как теперь деньги возвращать...

Аня тяжело вздохнула и отложила в сторону вилку.

– Мама, если хочешь, чтобы я отыскала того, кто ее убил, говорю сразу – это совершенно дикая идея.

– Дикая? А что ж тут дикого? Наши следственные органы на то и поставлены, чтобы искать убийц, – возмутилась Клавдия Сидоровна, потихоньку подкладывая Жорочке аппетитные кусочки.

– Мама, вспомни наконец, что Аня в отпуске, – вступился за сестру Данила.

– А я и не забывала, поэтому и предлагаю. Тебе, Анюта, надо заняться этим делом. А Жоржик тебе поможет, правда ведь, Жорочка?

Жорочка в этот момент аккуратно укладывал в рот бутерброд с бужениной, который все никак не мог поместиться целиком, поэтому вопрос хозяйки застал Жору врасплох. Парень закивал головой, как дрессированный жеребец, и Клавдия Сидоровна захлопала в ладоши.

– Вот и славно. Вы только послушайте, как мы ее обнаружили...

И хозяйка принялась в подробностях описывать сегодняшнее происшествие. Речь ее была бурной и эмоциональной. Она размахивала руками, закатывала глаза и даже распласталась на полу, дабы гости имели точное представление, как именно лежала несчастная.

– Мама, ты можешь брякаться на пол, сколько тебе угодно, я самостоятельностью заниматься не собираюсь. У меня отпуск! – заявила своенравная дочь и поднялась из-за стола.

Гости, посидев приличия ради еще несколько минут, тоже повыскакивали из-за стола, и вскоре Распузоны остались одни.

– И что ты молчишь? Что ты все время молчишь, как рыба об лед?! – накинулась Клавдия на супруга. – О чем ты сейчас думаешь?!

Акакий Игоревич сейчас думал, как бы втихаря от жены пропустить еще стопочку беленькой и уже с чистой совестью отправиться на боковую. Он устал сегодня до колик в печени, но если Клава считает, что он должен о чем-то еще думать...

– Кака, мы должны сами начать расследование! Да! И не надо тарашить на меня глаза, я не настолько богата, чтобы дарить деньги неизвестным убийцам!

– Кла... вочка... Ты соображаешь, что мелешь? – просипел Акакий.

– Ты только послушай. Да не смотри на меня, как на умалишенную! Я говорю дело. – Клавдия Сидоровна удобно уселась в кресло и принялась излагать: – Мы с тобой только начнем расследование, а потом за это дело возьмется Анечка, и помогать ей будет Жора Шаров. И здесь мы сразу убиваем две утки: во-первых, мы находим убийцу и он отдает нам деньги, а во-вторых, Анечка наконец разглядит, какой Жора замечательный мужчина, и у нее будет красивый, обеспеченный муж. Все как у людей.

Акакий Игоревич знал, что жена у него – особа непредсказуемая, но что она додумается до такого...

– Клава, а почему ты решила, что этот убийца, даже если мы его и отыщем, отдаст нам деньги?

– А куда он денется? – грозно поинтересовалась Клава и медленно закатала рукава. Да, этот вопрос отпадает – убийца отдаст.

– А еще – откуда ты знаешь, что Анечка обязательно влюбится в этого орангутанга... прости, Жорочку? У него же, по-моему, в мозгах всего одна извилина...

– В мозгах – да, зато у него в районе четыре стоянки! И квартира! И загородный дом! И машина! Зачем ему еще извилинами голову забивать? И вообще, Кака, не надо меня огорчать, давай лучше подумаем, с чего нам начать? С какого боку подойти к этому расследованию? Представь, что мы – Знатоки, а ты – Знаменский... нет, Томин... Нет, Кака, представь, что я – Знаменский, так с чего нам начинать?

Акакий Игоревич тоскливо посмотрел на кровать и вдруг отважился:

– Я предлагаю сейчас ложиться спать и старательно подумать, наметить, так сказать, пути расследования, а завтра с утра приступаем непосредственно к делу.

– Ну что ж, с утра так с утра. Я прямо сейчас ложусь план обдумывать, а ты пока вымой посуду, в кухне полная раковина после гостей осталась, и подотри пол, – милостиво согласилась Клавдия Сидоровна и направилась в постель.

Глава 2

За истиной, теряя юбки!

Утром Акакия Игоревича разбудил трубный бас супруги. Он уже столько лет прожил с Клавдией, но никак не мог привыкнуть к ее утреннему басу, каждый раз казалось, будто в окно врывается пароходный гудок.

– Ка-а-ка-а! Кака, вставай! У меня несчастье! – голосила Клавдия на одной ноте.

Акакий Игоревич зарылся поглубже в подушки, иногда это срабатывало, но сейчас жена уцепилась за его голую пятку и выдернула мужа из постели, точно морковку с грядки.

– Кака, у рыбок эпидемия! Ты посмотри, опять четыре гупешки выкинулись из аквариума! Кака, это невыносимо! Они покончили жизнь самоубийством! Скажи, отчего они не хотят жить?! Ах, Кака, лучше молчи, опять ляпнешь какую-нибудь мерзость.

Клавдия Сидоровна была ярой аквариумисткой. Правда, по неизвестной причине никакие рыбы, кроме гупешек, у нее жить не умели, но и они вот уже неделю, каждую ночь исправно выкидывались из аквариума.

– Клава, им просто скучно, – продирая сонные очи, лепетал Акакий. – Ты сама их приучила – каждую минуту перед ними приседаешь. А ночью ты ложишься спать, вот они и беспокоятся, куда это их хозяйка подевалась, ну и...

– Ты хочешь сказать, что они меня искать выпрыгивают? – недоверчиво покосилась на него Клавдия.

– Конечно, вот ты сейчас с ними поговори, успокой... а я немножечко полежу...

На самом деле Акакий знал причину эпидемии: хитрюга Тимка – кот – днем лишь лениво наблюдал за мелькавшими рыбками, зато ночью, когда гуппи неподвижно застывали посреди аквариума, хищник занимался охотой. Он ловко подцеплял лапой рыбку и выдергивал ее на ковер. Пока рыбешка весело прыгала, кот с удовольствием играл с ней, а как только она засыпала вечным сном, хищник тут же ловил другую. Акакий и сам это не раз видел, но не говорить же Клавдии!

– Ладно, бог с ними, с рыбками. Вставай, пора искать убийц, – объявила жена и сорвала с мужа одеяло.

Акакий Игоревич, проклиная все на свете, поплелся в ванную. Честно говоря, он и не думал заниматься какими-то там поисками, чего народ смешить! Но вот ведь так устроена его Клаудиа, будь она неладна, если что в голову забьет, то всю плешь проест. Сейчас еще и потребует новые идеи!

– Значит, так, – решительно объявил Акакий за завтраком, не дожидаясь, пока Клавдия обвинит его в бездействии. – Девушка отдала нам в залог машины студенческий билет. Поэтому для начала надо наведаться в учебное заведение, где грызла науки пострадавшая, и узнать, кто она такая.

Клавдия Сидоровна смотрела мужу в рот и глотала каждое слово, так красиво думать и излагать мысли она умела не всегда.

– Правильно, а я назовусь ее подружкой и поговорю с девчонками! – проявила она инициативу.

– Клава, ну какая из тебя подружка? Девчонке-то лет двадцать, – скривился Акакий Игоревич. – Давай лучше сделаем так...

Через два часа чета Распузонов подъезжала к большому кирпичному зданию. До этого они внимательно изучили студенческий и уже знали, что погибшую звали Екатерина Белкина

и являлась сия Белкина студенткой технического института, где познавала премудрости экономики.

В институте в этот летний день было почти пусто, только изредка пробежали стайки студентов да седенькая старушка таскалась с баночкой коричневой краски и подкрашивала свой неказистый вахтенный столик.

– Здравствуйте, нам бы узнать, где можно найти Белкину Екатерину, – сразу же поинтересовалась Клавдия.

– Белкину? А это кто ж такая? – выпрямилась старушка.

– Понимаете, эта девушка... – начал было объяснять Акакий Игоревич, но его грубо оборвали.

– Ты, милочка, попусту-то не болтай, на-ка вот, крась и говори, – шустро сунула бабка ему в руки кисть и уселась на скамейку. Клавдия боялась и рот открыть, кто знает, может, бабка предложит ей полы мыть и беседовать. – Так чего ты там про девку-то?

– Эта девушка учится в вашем институте... – красил Акакий стол. – А мы... А мы ее ищем... Клава! Ты посмотри, как у меня ровненько получается!

– Кака! Немедленно пойдем искать Белкину! – потеряла терпение Клавдия.

– Сейчас, Клавочка, ты же знаешь, красить столы – это мое призвание... вот еще здесь немножко...

Клавдия безнадежно махнула рукой.

– Где у вас секретарь?

– Секретарь-то? Так на втором этаже, как на лестницу поднимешься, сразу в нее и упреешься. Ступай, милая, – объяснила старушка и побежала за новой баночкой с краской.

Клавдия Сидоровна загромычала на второй этаж. Ну что ж, пусть Кака красит, она и сама может выспросить у секретарши все, что надо. Кабинет с секретаршей Клавдия нашла безошибочно – двери здесь были не в пример остальным добротные, красивые, из дорогого дерева и чуть приоткрытые. Секретарша – молоденькая девчонка – прихода посетителя не заметила, так как сидела спиной к двери и с упоением разглядывала по компьютеру сомнительные картинки. От такой пошлости Клавдия Сидоровна оторопела и от возмущения некоторое время не могла прийти в себя. Наконец ее прорвало:

– Да убери же ты голову! Ни фига не видно!

– Ой! – по мышинному пискнула девчонка и принялась нажимать все клавиши одновременно, отчего излишне откровенное изображение увеличилось и намертво остановилось.

Лоб девочки мгновенно покрылся испариной, а щеки стали походить на перезрелые перцы. Наконец она хлопнула где-то сбоку ладошкой по большой зеленой кнопке, и экран погас.

– Вы по какому делу? – напустила на себя серьезность девица.

– По неотложному, милочка, – вольно расселась на стуле Клавдия Сидоровна. – В вашем институте учится некая Белкина Екатерина. Мне хотелось бы узнать, где она проживает? Вы в состоянии узнать?

– Конечно, – пожала плечиками секретарша. – У нас все студенты занесены в компьютер.

– Так это мы сейчас ваших студентов смотрели?!

– Что вы такое говорите! Это... Это просто комп глючит, со всяким случается, – окончательно оправилась от испуга девчонка. – А зачем вам Белкина? Вы ей кто – мать, сестра, жена? Гм, простите, тетя?

– Да, я ей мать, сестра, жена, прощаю, тетя. Эта девушка задолжала мне крупную сумму денег и никак не может отдать. Я бы хотела сама забрать, все же мое, знаете ли.

Секретарша надменно сложила губки, но отказать в просьбе не осмелилась. Да и не такая уж секретность – место проживания студента. Пальцы ее снова нажали на кнопку, потом быстро забегали по клавиатуре.

- Хм, ваша Белкина еще до нового года институт бросила, так что ищите ее не у нас.
- Подождите! Как это бросила?! А что же делать? – растерялась Клавдия Сидоровна.
- Не знаю... Может, у девчонок из общежития спросите, она раньше с ними в общегаге жила, может, они и знают, куда подевалась ваша Белкина.
- Правильно! Девчонки должны знать! Туда и побегу, а где эта общага?
- Прямо за зданием института кирпичное здание, рыжее такое. Там и табличка – «Общежитие технического института».

Клавдия пробкой вылетела из кабинета и, гулко топая, понеслась вниз по лестнице.

– Кака! Немедленно заканчивай свои художества, мы идем в общагу! – рухнула дама на скамейку и достала из сумочки зеркальце. Так, выглядит она замечательно, от быстрого бега лицо окрасилось в свекольный тон, но это только придает ему моложавости, вполне можно представиться подругой этой самой Белкиной. – Кака! Я сказала, брось немедленно эту банку и идем искать Белкину!

– Как скажешь, родная, я уже все покрасил... и даже скамеечку, на которой ты сидишь.

Клавдия Сидоровна вскочила, будто ее укусили за ягодицу. Легкую крепдешинтовую юбку цвета молодого кузнечика пересекала широкая полоса грязно-коричневого колера. По лицу Клавдии пробежала легкая рябь, как по хмурой осенней луже, и Акакий, зазевавшись, не успел увернуться от карающего кулака любимой.

Вахтерша общежития дородная тетя Валя заварила себе двухрублевую китайскую лапшу, и только из чашки пополз приторный запах восточных специй, как хлопнула дверь и в холле появилась весьма красочная пара. Недорослый мужичок, облаченный в такую жару в костюм-тройку и почти удушенный галстуком, шествовал рядом с громоздкой особой. Особа была обряжена в откровенную кружевную кофту и эдакие спортивные рейтузы далеко не первой молодости. У мужичка как-то странно алела щека, и левое ухо торчало весенним тюльпаном, а у дамочки отчего-то во все стороны торчали взъерошенные волосы, а глаза метали молнии.

– Это вы к кому? – насторожилась тетя Валя, нашаривая рукой тревожную кнопку.

– Мы... Нам бы Белкину, – затравленно прошептал мужичонка.

– Нам нужна Екатерина Белкина, мы ее родители, – напыщенно вздернула голову особа в рейтузах.

– Белкиной? Катьки, что ли? Ах вот оно что... А нету вашей дочери, не живет она здесь, – уперла руки в бока тетя Валя.

Мимо вахты то и дело пробегали пареньки и девчонки, и от этого вахтерша делалась смелее и агрессивнее.

– И где же вы были, дорогие родители?! Вон, какие индюки, а дочери лишнюю копейку прислать не могли! Работать пошла ваша доченька!!

– Работать? – выдохнула Клавдия Сидоровна.

– А что ж ты думала? Она от вас помощи и не ждала вовсе! Конечно! Отец уголовник, воровством промышляет...

Акакий Игоревич втянул голову в плечи.

– ...Мать – проститутка со стажем!

Клавдия Сидоровна резко сдвинула ноги.

– ...Какая уж от вас помощь! А сейчас нарисовались! Чего надо?!

Вокруг живописной группы уже собирались любопытные студенты, а противная вахтерша никак не умолкала. Распузоны ловили на себе откровенные взгляды, и от этого становилось не по себе. Да еще эти рейтузы! В институте, после того как Клавдия неосмотрительно угнездилась на свежоокрашенной скамейке, а предатель-муж о такой опасности ее даже не предупредил, за что в общем-то схлопотал по наглой физии, с юбкой пришлось расстаться. Однако без юбки Клавдиному прикиду чего-то не хватало, и старушка пожалела женщину – выдала

ей неизвестно откуда взявшиеся огромные спортивные штаны. Видимо, кто-то из студентов оставил. Клавдия подозревала, что ими не однажды мыли полы, но старушка убедила:

– Надень да и все! Может, ты только что с дачи.

И зачем она ее только послушалась, вон какой срам вышел!

– Нам бы только с девочками из ее комнаты поговорить, может, они что знают, – лепетал Акакий Игоревич.

– Шиш тебе! Эвон чего, после тюрюги-то на девочек потянуло!! Тебя только запусти, воруяга, потом последних колготок недосчитаешься! И не думай, не пуцу! – бесновалась тетя Валя.

– Кака, пойдем, – дернула за рукав мужа Клавдия Сидоровна и поспешила на улицу.

Уходить из общежития не хотелось. Столько ехали, тряслись в автобусе, чтобы вот так нелепо удрать от озверевшей вахтерши. Супруги уселись на скамейку, и тут в поле зрения Клавдии попал небольшой магазинчик.

– Смотри-ка, «Ткани»! Кака, ты сиди здесь, а я сбегаю, куплю себе какую-нибудь тряпку. Обвяжусь ею так, по-современному, я в «Бурде» видела, будет очень стильно, а то я в этих подштанниках как-то неэстетично выгляжу.

Акакий хотел было что-то сказать, но потрогал горячее ухо и согласно кивнул. Клавочка тут же, согнув руки в локтях и шумно задышав, якобы спортивной пробежкой затрусила к магазину. Не успела она скрыться за дверьми, как из общежития выпорхнуло совершенно воздушное существо. Легкую юбку задирали ветер-пошляк, шелковые кудри блестели на солнце, и длинные стройные ножки несли создание прямо к нему, к Акакию, на лавочку.

– Ой! Думала, вы уже ушли! Еле успела, – часто дыша, произнесла прекрасная девушка. – Это ведь вы папа Кати Белкиной?

Акакий судорожно сглотнул, поправил галстук и промычал что-то невнятное.

– Я так и поняла. А я Люба Ирисова – подруга Кати. Хотя теперь мы уже не подруги, просто раньше жили в одной комнате. Недолго.

– Люба... Любочка... – заблеял Акакий Игоревич, но тут же взял себя в руки. – Люба, скажите, а почему Катерина ушла из института?

– Как почему? А кто же за нее платить станет?! Она же на платном. – Собеседница вздернула кукольные бровки. – Я, конечно, понимаю, вы не могли, но сейчас-то наверняка ищите Катю для того, чтобы ее заставить учиться.

– Н-ну...

– Только она не захочет. Если девчонка в руках деньги подержала – за парту не усадишь, проверено. Это только такие глупенькие, как я, могут целыми ночами к зачетам готовиться, – печально вздохнула Любочка и подарила Акакию Игоревичу трепетный взгляд. Акакий вытянулся, но ушибленное Клавочкой ребро противно заныло, и мужчина снова присел.

– А... а где Катя жила все это время? Потом, когда ушла из института?

Любочка легко забросила ножку на ножку и, откинув со лба великолепную, блестящую прядь, застрекотала:

– Ой, вы знаете, как только Катюшка ушла из института, мы с ней потеряли всякую связь. Честное слово. Ну, у нас поговаривали, что видели ее в ресторанах, в барах... Это, знаете, не для меня. Я так считаю, что девушка должна стремиться не в кабаки, а в библиотеки, вот такие у меня старомодные взгляды. А Катюшку частенько видели в клубе «У Агафьи», особенно в последнее время.

– У кого, я не понял?

– «У Агафьи», клуб так называется. Это на Зеленой, восемь. Только вы сейчас туда не едите, уже поздно, а завтра, часиков с одиннадцати. Приедете?

– Ну так...

– Хорошо, а теперь, извините, мне пора! – И девушка упорхнула легкая и светлая, как бабочка-капустница.

Любочка упорхнула весьма вовремя – от магазина уже надвигалась замотанная в тряпку Клавдия. Акакий тяжело вздохнул. Не женщина, а статуя Свободы в натуральную величину. Господи, и куда ж его глаза глядели тридцать лет назад! На голове прическа – «бараний курдюк», фигурка – хавронья на сносках, а уж норов-то! Хусейну не пожелаешь! Не то что эта милая Любочка – хрупкая, кожа гладенькая, про библиотеки говорит... А как она на него смотрела! Нет, он не придумывает, она действительно увидела в нем эдакого... Ван Дамма... Нет-нет... Луи де Фюнеса!

– Кака, какие у нас планы? – пропыхтела рядом «статуя Свободы».

– Сейчас домой, не будешь же ты шокировать горожан, замотанная в эту простыню.

На Клавдии и в самом деле было намотано нечто вроде постельного белья, но это было все, на что была способна ее фантазия.

Вечером Акакий любовно прижал кота Тимку к животу и впервые в жизни включил любовный сериал. Клавдия Сидоровна, сообщив, что бежит в магазин, срочно завихрилась к дочери.

Аня жила неподалеку – на соседней остановке. В скромной двухкомнатной квартирке. Отпуском она наслаждалась четвертый день, но еще никак не могла к нему привыкнуть – то убирала, то стирала-гладила, а вот сегодня решила плюнуть на все, отпустила Янку на дачу с бывшей свекровью, а сама завалилась на диван с книжкой. Детектив не давал оторваться, и в самый интересный момент, когда коварный преступник занес нож над головой следующей жертвы, в дверь требовательно зазвонили. Аня вздрогнула и подтянула ноги к подбородку. Звонок не умолкал, и пришлось идти открывать. На пороге стояла матушка с жизнерадостными глазами.

– Mam? Проходи, у тебя какие-то новости? Или ты так просто?

– Да, я так просто. Шла вот... за хлебом, дай, думаю, к дочери загляну, уже и забыла, когда виделись.

– Мама, ну чего ты, вчера виделись, но я все равно рада. Проходи. Чай будешь?

– Наливай. А где это Яночка?

– Свекровь забрала на дачу, – объясняла дочь, выставляя на стол конфеты, печенье и варенье в маленькой вазочке.

Клавдия Сидоровна собиралась говорить о чем-то о своем, но сообщение дочери вызвало у нее бурю негодования.

– Это что значит – свекровь забрала?! У тебя нет мужа, значит, и свекрови нет! Ты совсем не гордая, мякиш для беззубых! Этот подлец бросил тебя с маленькой дочкой...

– Из-за тебя, между прочим, – спокойно осаждала ее Аня.

С мужем они, может, и сейчас бы еще жили, если бы не кипучая деятельность Клавдии Сидоровны. Ей так понравилось быть тещей, и при этом неумная энергия так была из всех щелей ее организма, поэтому она не выпускала зятя из виду ни на минуту. Матрона тайком провожала и встречала его с работы: «А вдруг у него секретарша легкого поведения, лучше перебдеть, чем недобдеть!» Поздно ночью теща тщательно проверяла его карманы – не затерялась ли где записка от любовницы, ежедневно принохивалась, словно натасканный спаниель, в его машине, не пахнет ли посторонними духами, в общем, денно и ночью несла вахту. Пока молодые жили в доме Распузонов, зять терпел, но когда он получил квартиру и прямо на новоселье теща заявила, что «немножко поживет вместе с дочерью», бедняга не вытерпел.

– Или я, или твоя мать! – решительно заявил он Ане.

В то время Анна была совсем глупой и выставила чемоданы супруга за новенькую дверь. А теперь уже два года и сама Аня, и ее решительный муж ходят кругами и не знают, как склеить бывшие отношения.

– Если бы ты не лезла к нему, мы бы сейчас жили счастливо. А свекровь Яне такая же родная бабушка, как и ты. Почему бы ребенку не съездить на дачу?

– Вот и я говорю. Хорошо, что Яночка у бабушки... Ты, вон, смотрю, заскучала совсем, а мы сегодня про эту девушку, ну, которую убили, очень много интересного узнали. Тебе сейчас совсем легко будет...

– Мама! – вскочила Аня и пролила горячий чай на колени. – Мама! Я в отпуске и не хочу слушать ни о каких девушках! Дай мне отдохнуть!

Клавдия Сидоровна удивленно уставилась на дочь.

– У тебя нервы, Анюта. Я тебя запишу к психиатру. Так вот, вы вместе с Жоржиком прекрасно раскрутите это непонятное дело, и тебе выпишут премию. А в довесок к наградам у тебя появится богатый и благородный муж. Я прямо-таки вижу, как вы с Жориком чудесно смотрите!

Анна уже устала от целенаправленных хлопот родительницы. Каждую неделю мамаша исправно поставляла ей Жориков, Толиков, Шуриков и всегда видела, как дочь чудесно с ними смотрелась. Неизвестно, где она брала кандидатов на руку дочери, но все они были точно родные братья – лысоголовые, угрюмые и с ограниченными мыслительными способностями. Правда, надо отдать им должное, все претенденты были людьми состоятельными, и это для Клавдии Сидоровны решало все.

– Ну и какое приданое у этого добровольца? – усмехнулась Аня.

– Ты себе не представляешь! – обрадованно затараторила мать. – У него четыре стоянки!

– У-у, стоянки. В прошлый раз женишок был куда романтичнее – он владел двумя крупными туалетами в городе, а в позапрошлый раз ты находила приемщика стеклотары. Стоянки – неоригинально.

– Зато прибыльно!

– Мам, короче, так: или ты больше не суешься в мою личную и рабочую жизнь, или я выхожу замуж за соседа с первого этажа. Выбери.

Сосед с первого этажа был пьянью с многолетним стажем. К тому же в его квартире проживал целый табор родственников и знакомых, которые, наглотавшись известного зелья, устраивали дебоши и разборки. У такого зятка в карманах не пошаришь.

– Неужели тебе нисколько не нравится Жорж? – с погибающей надеждой спросила Клавдия Сидоровна. – Такой славный молодой человек. Прическа, как у нашего папы, фигура, опять же, как у меня, чем плох? Ну да, глуповат, но мужья и должны быть такими!

– Мама, успокойся, обещаю, если решусь выйти замуж, он будет не менее славным.

Дочь убедить не удалось, поэтому возвращалась домой Клавдия Сидоровна в расстроенных чувствах. Пришлось даже завернуть в киоск «Подводная радость» и прикупить парочку рыбешек. Рыбки оказались неизвестной породы, с яркими полосками, плавали довольно шустро и стоили столько, сколько весь аквариум Распузонов.

– Только попробуйте выпрыгнуть, сразу сдохнете, – честно предупредила их новая хозяйка и уже веселее направилась домой.

Глава 3

Свидание в гнезде разврата

На следующий день Клавдия только-только продирала глаза, а Акакий Игоревич уже прыгал козленком с жужжащей электробритвой в руках.

– Клава, где мои новые носки, ты не видела?

– Я их Даниле подарила, ему как раз подошел твой размер. Это же ты сам росточком с пуговицу, а нога-то у тебя, как лыжина. Так ты те, серенькие носочки надень. Я на них заплаточку пришила.

Акакий Игоревич не любил носки с заплаточками. К тому же Клава пришивала их почему-то всегда каким-то горбом, и на пятке потом долго не сходили мозоли. Просто удивительно, почему лак для ногтей жена может покупать по нескольку раз в неделю, а носки мужу только на двадцать третье февраля! А сегодня Акакий наверняка встретится с Любочкой, и ему совсем не хочется на каждом шагу прихрамывать от боли, причиняемой уродливой заплаткой.

– Кака, ты обещал рассказать, куда мы сейчас двинемся, – напомнила Клавдия.

– Вообще-то я и один могу сегодня быстренько смотаться. Даже, я думаю, тебе вовсе и не надо со мной волочиться. Вчера мне рассказали, что Екатерину Белкину частенько видели в клубе «У Агафьи». Так я съезжу.

– В клубе? И ты один поедешь? Ну конечно! Нет уж, если в клуб, то непременно со мной. Как думаешь, в джинсах я буду неплохо выглядеть?

Когда Клавочка натягивает джинсы, на улице останавливается все движение – окружающие, затаив дыхание, с интересом ждут, что джинсовые швы не выдержат натиска Клавдиной плоти. Однако китайцы, видимо, простирачивают свои изделия проволокой, во всяком случае, еще ни разу до конфуза дело не доходило. И все же Акакий Игоревич предпочитал не рисковать.

– Надень лучше легкое платье, в синий цветочек, – предложил он.

Зеленая, восемь находилась в коттеджном поселке. Здесь действительно было много зелени, рядом журчала река и, словно сказочные терема, возвышались новорусские кирпичные замки. Дом восемь был, пожалуй, самым видным – четыре этажа, расписные ворота и длинный сплошной забор, уходящий прямо в реку. У парадного подъезда путь новоявленным детективам преградил мощный швейцар в желтой ливрее.

– Вы к кому? – с сомнением уставился он на Акакия Игоревича.

– Мы... мы, собственно, в клуб, – проблеяла Клавдия, закрывая мужа широкой, как комод, спиной.

– Вы? – отчего-то удивился швейцар. – А вы в курсе, сколько стоит входной билет? Вон, видите, на стене наши расценочки. Если вас все устроит, милости прошу.

Расценочки и в самом деле пугали нулями, да к тому же больше половины пунктов ценника было непонятно. К чему, например, в клубные прайсы было внесено полотенце купальное? Однако Клавдии было просто необходимо найти Белкину. И Акакию Игоревичу тоже. Впрочем, Акакия влекли сюда несколько иные мотивы.

– Не надо на нас смотреть, как на дворняг! Мы вполне платежеспособны! Куда тут у вас платить? – храбро ринулся Акакий Распузон в богатые двери.

Вся прихожая заведения была заставлена цветами, экзотические растения располагались в крупных глиняных горшках, современных кадках и вычурных кашпо. Где-то в тени куста вьющихся роз притулился светленький столик, за которым сидела хорошенькая, как лубочная картинка, девушка. Девушка ласково улыбнулась и сообщила, что клиенты расплачиваются

после посещения клуба. Уж так здесь принято. Это добавило гостям энтузиазма, и девушка подвела семейную пару к двери под номером один.

– Ты бы сразу про Белкину-то спросил, – зашипела Клавдия на мужа. – Кто знает, что с нами здесь вытворять начнут.

– Зачем нам сразу раскрывать карты? Лучше присмотримся, узнаем о девице исподтишка, так сказать. А так, что мы предъявим? Где Белкина, которую в парке убили? – здраво рассуждал Акакий.

Дверь вела в раздевалку. Нет, не в гардероб, где оставляют верхнюю одежду, а именно туда, где снимают последние одежды, включая нижнее белье.

– Что это у вас за порядки такие в клубе? – зычно возмущалась Клавдия.

– Если вам угодно, вы можете воспользоваться купальным полотенцем. Я понимаю, в первый раз это несколько непривычно, а вы ведь у нас впервые? – ворковала уже другая девушка.

– Я, конечно, прикроюсь полотенцем, но смотрите, милочка, если что-нибудь из белья пропадет...

– У нас такого еще не случалось.

Клавдия и Акакий, завернутые по самое горло в красивые, яркие полотенца, прошлепали к следующим дверям. Двери распахнулись, и благочестивая супруга задохнулась от негодования – прямо за порогом открывался пляж, и весь песок до самого кирпичного забора был завален совершенно голыми телами. Клавдия машинально прикрыла ладошкой глаза Акакию.

– Кака! Тебе сюда нельзя!

– Да что такое?! – возмутился Акакий. Краем глаза он успел заметить парочку приятных фигурок, и зажмуриваться ему совсем не хотелось. К тому же где-то здесь он надеялся на встречу с Любашей, а если девушка будет в столь откровенном виде, то это совсем хорошо. – Да что ж такое?! Клава! Мы должны вести расследование вдвоем!

– Я понимаю, – тяжело вздохнула супруга, – но боюсь, что для тебя это слишком тяжелая нагрузка. Вспомни, у тебя больные почки! Да и потом, честно тебе скажу, Кака, такой пляж не для тебя. Подумай, здесь не только ты девиц разглядываешь, но и они тебя. А ты давно видел себя раздетым? Вот то-то и оно. Придется мне самой погрузиться в это гнездо разврата.

Девушка, сопровождавшая пару, обиженно заморгала длинными ресницами:

– Почему гнездо? А куда вы, собственно, собирались?

– Нам нужен клуб «У Агафьи», а здесь – натуральный вертеп, – кряхтела Клавдия, выталкивая за двери упиравшегося мужа.

– Это и есть «У Агафьи». Клуб нудистов. Что тут необычного? – пожала плечами девчонка. – Так вы идете на пляж?

– Да-да, я иду, а вот этого извращенца вытолкайте, пожалуйста, в раздевалку, – быстренько проговорила Клавдия и шагнула на теплый песок.

Акакий был раздосадован до слез. «Завтра же с утра убегу на пляж, посмотрим, чьи почки крепче», – мстительно думал он, натягивая осточертевшие носки с заплатками. Выскользнув из раздевалки, Акакий Игоревич решил обследовать сие заведение. Все же интересно, в городе, оказывается, процветает такой замечательный нудистский клуб, а он о нем даже ничего не слышал. А пляж-то, видимо, пользуется большой популярностью. Вон сколько голых посетителей на желтеньком песочке нежилась. Да и покойную Белкину здесь частенько встречали... Так, может, ее гибель именно с клубом и связана? А что, вполне подходящее начало для преступления: девчонка тайком от мужа бежит к нудистам, тот узнает и убивает ее из ревности. Очень правдивая версия. Или, может, так: Белкина пленила кого-нибудь обнаженной натурой, а жена этого пленника подкараулила и пришибла красавицу. Тоже годится. Выстраивая версии одна страшнее другой, Акакий Игоревич на цыпочках продвигался по этажу. Двери, двери, кабинеты, комнатки, цветы... Изредка навстречу ему неизвестно откуда выныривали хорошенькие девочки в голубеньких коротких халатиках и улыбались оскалом роботов. Акакий Игоревич

устал бродить по коридорам, выискивая неизвестно кого, и вышел на лоджию. Глупый страус! Что ж он раньше этого не сделал, а все время прятал глаза черт знает куда?! Весь закрытый пляж был перед ним как на ладони. Лоджия была достаточно большой, но все пространство здесь занимала пышная растительность, что в данном случае было очень удобно. Акакий присел под раскидистым кустом, ему не хотелось, чтобы кто-то застал его за таким постыдным занятием, как подглядывание, и замер от восторга. Какие тела! Нет, какие тела... О, боже! А эта гора в полотенце, конечно же, его Клава! Да уж, у всех жены, как тростиночки, зато у него, как баобаб!

– Алло, ну ты как? – раздался неожиданно близко чей-то голос. Вероятно, кто-то также решил уединиться. Акакий весь сжался и перестал дышать. – ...А я еще нет... ну не могу я, это же чистое убийство... Нет, в том-то и дело, что... но она даже не оставила никому свое состояние... знаю, что тянуть опасно, но... хорошо, я потом перезвоню.

Какая-то девица тихо, но решительно убеждала в чем-то неизвестного собеседника по сотовому. Из их разговора было ясно, что речь шла о делах не совсем праведных. Акакий Игоревич чуть не задохнулся, удерживая дыхание, и когда девушка зацокала каблукочками от лоджии, он шумно задышал, словно русская борзая, преследующая дичь. Как следует разглядеть говорившую было уже невозможно, виднелась только ее спина и волосы, стянутые янтарной заколкой. Пересидев еще минут десять, Акакий выполз из своего укрытия и потихоньку прокрался в холл.

– Ой, а вы здесь? – окликнул его мелодичный голосок, едва он расположился на кожаном диванчике.

Господи! Это была Любочка! Сегодня девушка была в прозрачной кофточке и длинной юбке. Юбочка была на пуговицах, и почти все они были расстегнуты...

– Вы не пошли на пляж? – играла она глазками.

Акакий Игоревич вальяжно расселся под пальмой и напустил на себя эдакую легкую грусть.

– Нет, я, видите ли, люблю оставаться чуточку загадочным. И вообще, меня привели в этот клуб дела, вы же знаете.

– Ах, ужасно люблю таинственных мужчин! – пискнула девица и уселась напротив. При этом юбка буквально развалилась на две половины, оставляя взору оголенные до корней конечности. – Вы же, кажется, приехали сюда искать Катерину?

– Конечно. Я уж и не надеюсь ее встретить, но хотел бы поговорить с кем-нибудь, кто мог бы рассказать мне про нее.

– А почему же не надеетесь? – кокетливо выпрашивала Люба.

– Ну... – засмутился Акакий. – Катенька наверняка на пляже обитает, я по таким развлечениям не ходок.

Любочка фыркнула и заиграла плечиками.

– Ну почему же обязательно на пляже. Она здесь горничной работает.

Акакия подбросило:

– Горничной? А...

«А моя-то дура битый час на пляже телесами трясет!»

– Конечно. Да вы сходите к Агафье Эдуардовне, она про своих работниц всю подноготную знает. Сама их подбирала. Она на втором этаже.

Акакий вскочил будто суслик и неожиданно припал к розовой щечке Любочки.

– Спасибо, вы мне так помогли... так помогли...

– Я понимаю, сейчас у вас нет времени, но когда вы будете чуточку посвободнее, вы мне можете позвонить, – промурлыкала обаяшка и вытянула из глубины огромного декольте визитку, сделанную собственной ручкой.

– Я непременно позвоню... Вот... прямо возьму и звякну! – пообещал Акакий Игоревич и спотыкаясь понесся на второй этаж.

Нудистский пляж, странный телефонный разговор, манящая Люба, все это обрушилось за какой-то час на лысую голову Акакия Игоревича, словно поток воды. Такое обилие новостей просто огорошило. Он понимал, что надо остановиться и все обдумать, но какой-то внутренний голос нашептывал, что нельзя терять времени, действовать надо быстро и осторожно.

– Скажите, как мне найти Агафью Эдуардовну? – обратился он к одной из девушек в форменном халатике.

– Вон, видите, та дверь. Только Агафья Эдуардовна не любит, когда ее тревожат, – подарила девица Акакию самую нежную улыбку. – У вас к ней серьезное дело?

– Еще какое! Я не знаю, где найти мужской туалет, – брякнул Акакий первое, что пришло на ум, и пока изумленная девчонка беззвучно открывала рот, он уже влетал в кабинет хозяйки.

Агафья Эдуардовна ввела Акакия в окончательный ступор. Судя по характеру бизнеса и сверхновомодному помещению, это должна была быть молодая женщина, пышущая невообразимым здоровьем и богатой фантазией. А здесь оказалась сухонькая старушка, убеленная благородной сединой. Хотя старушкой эту даму назвать язык не поворачивался. На тренажере крутила педали дама в лимонной футболке и в коротеньких белоснежных шортах. Немного портили картину такие же белые кроссовки: на тощеньких загорелых ножках мадам они смотрелись точно утюги «Юнит». Акакий Игоревич постарался лихо, по-молодецки, проскочить в дверь, но неловко запнулся о высокий порожек и припал к светло-кремовому ковру губами. Увидев ввалившегося Акакия, старушка изумленно приподняла подрисованную бровь.

– Давненько ко мне вот так мужчины не торопились, – ухмыльнулась она, не переставая работать ногами. – Ну довольно землю-то целовать, поднимайтесь. Вы, мальчик мой, откуда свалились?

Акакий попытался с достоинством подняться, поправил галстук и, крикнув, возвестил:

– Я, знаете ли, из газеты. Да. Из «Сельской молодежи».

– Я сразу поняла, что вы из села, вас земля притягивает. А что, на селе помоложе уже никого не осталось? Или остальные на сенокосе? И что же вы хотите?

– Я хотел бы, так сказать, побеседовать... Взять интервью, если можно. Меня особенно интересуют кадры. Вот вы всех знаете, кто у вас работает?

Агафья Эдуардовна слезла с тренажера и уселась за огромный, как танцплощадка, стол.

– Садитесь, господин селянин, – пригласила она и совершенно серьезно взгляделась в Акакия. Под ее пристальным взглядом у мужчины по позвоночнику пробежались мурашки, а лысина покрылась багровым румянцем. – А теперь скажите мне серьезно, что вы хотите? Не думаете же вы, что я поверю в эту чушь с газетой.

– Думаю... Хотя нет... – стушевался незадачливый гость и вдруг выложил напрямую: – Я пришел узнать у вас все про вашу бывшую работницу, про Екатерину Белкину. Мне это очень нужно, только я не могу вам всего рассказать. У меня очень тайная миссия.

Старушка хмыкнула и, спохватившись, уважительно покачала головой.

– А позвольте спросить, почему вы Белкину называете бывшей работницей? Я ее еще не увольняла, – поинтересовалась Агафья Эдуардовна.

Акакий Игоревич сгреб брови домиком и печально сообщил:

– Мне очень тяжело вам говорить, но... но она погибла. Девушка готовилась стать матерью, но ее дитя так и не увидит солнца... Она погибла.

– Когда это она умудрилась? Неужели опять сбежала с работы? Что хотят, то и делают, никакой дисциплины! Сегодня же ее уволю! Ах, простите, вы говорите, она погибла?

Акакий понимающе положил свою руку на руку Агафьи Эдуардовны и замогильным голосом принялся успокаивать:

– Не надо переживать, все там будем, кто-то раньше...

– Что вы в меня вцепились, батенька? Дайте же я напишу приказ о принятии на работу новой горничной. А что, кстати, с ней стряслось?

– Наши органы работают над этим вопросом. Я же вам ничего не могу сказать конкретного, у меня очень тайная миссия.

– Да я уже слышала, – выдернула у него руку женщина и тут же заговорила по внутреннему телефону: – Танечка, мне сообщили, что Катя Белкина погибла, созвонись с ритуальными услугами, надо проститься с девочкой по-человечески. Итак, что вы хотите узнать, только, пожалуйста, покороче, сами понимаете, мне сейчас надо заниматься похоронами.

Акакий Игоревич поерзал на стуле и принялся расспрашивать:

– Меня интересует, с кем в последнее время дружила потерпевшая, может, у нее был молодой человек, не забы... .

– Агафья Эдуардовна! Что за хрень вы придумали?! Я извиняюсь, это у вас фишка такая, да? – ворвалась в кабинет разгневанная горничная.

Агафья Эдуардовна уронила челюсть и, похлопав реденькими ресницами, уставилась на Акакия.

– Так вот, я вас спрашиваю, – продолжал Акакий, – может, вы знаете, от кого у нее ребенок? Может, хоть догадываетесь.

– Катька... Катя, у тебя от кого ребенок? – тупо спросила старушка у вбежавшей девчонки.

– Агафья Эдуардовна, вы точно свои педали перекрутили! Какой ребенок?! – взвинтилась горничная. – Может, вы мне хоть что-то объясните?! Девчонки мне уже на венки сбрасываются, причем с меня самой аж сотку содрали!! Я вам сразу говорю, прихвати ваши я и так все выполняю, но хорониться отказываюсь!

До Акакия смутно начинало что-то доходить. Перед ним пылала негодованием девчонка, которая покупала у них машину. Это была, конечно, она, теперь ошибиться Акакий не мог. Он нерешительно поднялся со стула и обошел вокруг девчонки. Он даже чуть-чуть потрогал ее затылок, отчего девица дернулась, как лошадь от укуса слепня. Сомнений не было – девчонка была жива. Значит, Екатерина Белкина вовсе не погибла. Или, вернее, погибла не она...

– Это, Катенька, нам господин принес страшную весть. Он сообщил, что ты погибла, – ткнула скрюченным пальцем в Акакия старушка. – А еще сообщил, что дите у тебя скоро будет.

Девчонка внимательно взгляделась в мужчину и недовольно пробурчала:

– В чем дело, гражданин? Что такое с вами произошло? Я исправно отдала первую часть денег за ваши колеса. А пятнадцатого числа отдам остальное, что вы за фигню про меня собираете? А еще приличный дядька!

«Приличный дядька» чувствовал себя просто мерзко. Он не знал, что в таких случаях говорится.

– Ну так что, Агафья Эдуардовна, я пошла? Да, и еще, раз уж девчонки сбросились, так я заберу деньги в качестве морального ущерба, ага?

– Ступай, детка. А деньги принеси мне. Все равно когда-нибудь пригодятся. Этот господин меня уверял, что мы все там будем, так уж чтобы два раза не собирать...

И девчонка вышла, сверкнув напоследок янтарной заколкой.

– Ну, так над чем у вас там органы работают? – сурово глянула на гостя Агафья Эдуардовна.

У Акакия в голове снова, как блохи, запрыгали мысли. Теперь его уже беспокоило другое. Но говорить об этом он, конечно же, считал преждевременным.

– А я бы вас попросил не смеяться, – гордо дернул он подбородком. – Этот ход был нами задуман. И наши органы... Наши органы всерьез озабочены тем, что у вас тут намечается! Вы, конечно, можете мне не поверить, но за кое-чье здоровье я не дам и ломаного гроша.

– Может, потому что у вас его нет? – наивно спросила старушка.

Акакий удрученно хмыкнул. Ему просто необходимо было прийти сюда еще раз, но как испросить разрешения, он придумать не мог, а без позволения этот цербер на входе не пустит его даже на крыльцо. Вдруг его осенило:

– Агафья Эдуардовна, я чувствую, что такая женщина, как вы, просто не может быть не азартной! Я предлагаю вам выгодный контракт – вы даете мне возможность появляться здесь, когда мне будет нужно, в течение месяца...

– Ого!

– Ага! Я вам за это гарантирую спасение вашего предприятия от возможной угрозы. Обещаю, что не буду использовать свое служебное положение в корыстных целях. Это я про пляж.

– А если угрозы никакой нет? – сощурилась старушка.

– Если нет, то обязуюсь год работать у вас совершенно бесплатно!

– Да вы с ума сошли! Желающих трудиться у меня целые стада. Причем молодых, красивых жеребцов, а вы-то мне на что?! – всплеснула руками противная старуха.

– Ну... может, и я на что понадоблюсь... Спасателем каким-нибудь... правда, я плавать еще не умею... Но мало ли на что может пригодиться интересный мужчина!

Пожилая леди подперла щеку кулачком и уныло разглядывала настырного посетителя.

– А копать вы можете?

– Не пробовал, – пылко сознался Акакий.

– Ну хорошо, а... слушайте, а что вы вообще умеете? Готовить? Стирать?

– Я развожу цветы, – потупился Акакий. – Вернее, не развожу, а лечу растительность от болезней. Ну, знаете, паразиты, грибок, неправильные условия содержания...

Старушка подпрыгнула, будто к стулу подвели ток.

– Что ж вы раньше молчали?! У меня такой чудный сад! Я еще и зимний сад хотела завести, но цветочки как-то не хотели приживаться, и пришлось от этого отказаться, а было бы так замечательно! Миленький! Да ползайте здесь сколько угодно, только завтра же начнем разбивать сад. Я обещаю хорошую плату.

– Позвольте... Я, конечно, могу, но в данный момент мне надо завершить важное дело, я же говорю, у меня миссия.

– Ради бога! У вас будет ненормированный рабочий день! Можете вообще не появляться, пока не выполните эту свою миссию, я даже согласна вам помогать, только уж потом, будьте любезны...

– Буду очень рад...

– Я на вас рассчитываю, вы мне вообще сразу приглянулись...

После того как водопад любезностей иссяк, Агафья Эдуардовна собственной ручкой нацарапала записочку, согласно которой Акакия должны были пропускать в дом по малейшему требованию. Распузон вылетел из кабинета хозяйки на жиденьких крылышках удачи.

Глава 4

Могила для секретов

Не помня себя, он спустился в холл и сразу оглох от злобного рева.

– Ты где шастаешь столько времени, убожище?! – вопила Клавдия Сидоровна, надвигаясь на супруга.

– Клава, держи себя в руках, – пресек ее словесный поток Акакий новым, незнакомым доселе тоном.

Клава застыла от неожиданности, а затем поспешно начала собираться. Акакий при выходе без сожаления выпотрошил весь кошелек и высыпал содержимое, включая мелочь, на стол кукольной девчужке. Ха! Теперь-то он заработает приличные деньги. И можно будет беспрепятственно встречаться с Любочкой, Клавдия уже не помешает, ей же не выписали пропуска. Нет, что ни говори, а жизнь – штука просто сказочная!

Дома Клавдия вела себя, точно описавшийся ребенок, тихо и незаметно. Она прекрасно провела несколько часов на беленьком песочке, правда, закутанная в огромное полотенце, и голые отдыхающие смотрели на нее, как на больную моржиху. Однако к концу сеанса Клавдия Сидоровна осмелела и даже решилась оголить колени. Ей это настолько понравилось, что она тут же брякнулась на пузо, подставив палящим солнечным лучам рыхлое и белое, как простокваша, тело, прикрыв полотенцем лишь свой тучный зад.

Ясное дело, что ничего нового про несчастную убиенную она так и не выяснила, а вот Кака отчего-то ведет себя подозрительно. Он заносчиво, по-верблужьи закидывал голову и бросал на нее многозначительные взгляды. Не иначе как что-то пронюхал. И это в то время, когда Клавдия бессовестно транжирила их семейный бюджет. Вскоре такой вид мужа начал ее раздражать, а через полтора часа женщина просто взорвалась возмущением.

– Ты что-нибудь собираешься мне рассказывать?! Что там случилось с этой Белкиной? Я надеюсь, ты не зря там толкался возле кадки с кактусом, не девушек же ты очаровывал!

Акакий блеснул лысиной и нехотя выложил все новости, которые ему удалось добыть.

– Вот как, выходит, деньги нам придут, и совершенно незачем корчить из себя сыщиков? – обрадовано вздохнула Клавдия.

Акакий испугался. В самом деле, если Белкина жива, значит, не надо искать никакого убийцу, а следовательно, и появляться в клубе «У Агафьи» нет необходимости. А как же нудистский пляж? А Любочка? Хотя... Его же пригласили на работу... И все же, одно дело, когда ты ковыряешься в цветочных горшках, и совсем другое, когда вылавливаешь матерых убийц. И потом, вдруг его не устроит рабочее место? Вообще-то он не любит рано подниматься, куда-то ехать, перед кем-то отчитываться. Это сейчас хорошо – можно вдоволь любоваться обнаженными телами, а зимой? Нет. Расследование прекращать нельзя. Только так он сможет достаточно приглядеться к новому месту работы и при надобности вовремя уйти.

– Я, конечно, не могу подвергать тебя риску, – начал он, закатывая глаза. – Ты – самое дорогое, что у меня есть, но расследование оставлять нельзя. Я же тебе популярно объяснил, что там творятся непонятные вещи. Белкина жива, но она странным образом похожа на потерпевшую, может, они сестры? И ведь она кому-то звонила по телефону, причем так, чтобы никто не слышал. Это хорошо, что я на лоджии спрятался...

– А зачем тебя на лоджию потянуло? Что, хотелось на голых баб поглазеть?! – мигом сориентировалась Клавдия.

– Клава! Побойся бога! Я что – маленький мальчик? Что я, голые тела не видел?

– Так, значит видел? И когда это, интересно знать? Я перед тобой уже лет двадцать не оголялась!

– И не оголяйся, мне совсем и не хочется, я вообще воспитан робким человеком... – заюлил Акакий и вдруг рывкнул: – Ты будешь слушать или нет?! Ну так вот, я решил, что узнаю до конца, что там творится.

– Ни за что! – уперла Клавдия руки в толстые бока.

– Я тебе не сказал, но мне предложили работу в этом клубе... Нет-нет, это не то, что ты думаешь, мне предложили разбивать сад, ну и подлечить кое-какие цветочки. Работа моего профиля, и плату, между прочим, предлагают умопомрачительную. Вот и подумай, а вдруг что-нибудь произойдет, представь, какие деньги уплывут!

С этим спорить было глупо, и Клавдия Сидоровна, шаркая шлепанцами, поплелась на кухню. После длительного загара у нее появился волчий аппетит. Намазав себе сладкую булочку маслом и в очередной раз вздохнув о диете, она просто поинтересовалась:

– А если тебя пристрелят? Ты знаешь, что квартира и так на мне, а ты перепиши на меня дачу, правда, мы на нее не ездим, но так, на всякий случай. Бери бутербродик, кушай.

– Я, конечно, бутербродик выкушаю, но дачу не перепишу. Фиг тебе! Если что случится, – Акакий смахнул набежавшую мужскую слезу, – если что случится, все тебе по завещанию перейдет.

– Ну смотри, я хотела как лучше. Ну так какие у нас планы на завтра?

Акакий поперхнулся чаем.

– У нас?

– Ну да, не думаешь же ты, что я брошу тебя в таком рискованном деле! И потом, теперь я пляж могу посещать совершенно бесплатно, как жена сотрудника. Кака, ну почему ты не ешь булочку?

К такому повороту событий примерный муж вовсе не был подготовлен. Сначала он какое-то время беззвучно хлопал челюстью, а потом выдал самое страшное:

– Клава, но ведь о ведении следствия надо молчать!! Ты же этого никогда не умела. Я просто не могу подвергать тебя таким диким мучениям, я же не зверь.

– Ха, не зверь! Самому можно ежедневно таскаться на нудистский пляж, а несчастную женщину оставлять дома, томиться в собственном соку, и это он называет не зверством! Нет уж, решено, завтра идем на дело вместе, – топнула супруга толстенькой ножкой и тут же снова превратилась в послушную первоклассницу. – А молчать я прекрасно умею. Я просто могила для секретов. Ты же до сих пор не знаешь, какая у меня пенсия.

Акакий хотел было возразить, но кот Тимка дико заорал и, распушив хвост, ринулся к двери. У Распузонов дверной звонок работал по настроению. Давно, уже лет десять назад, у этой электрической штуки появился свой нор, и звонок стал вытворять все, что ему вздумается: мог молчать, когда кто-то упорно жал на кнопку, или же ни с того ни с сего заливался трелью глубокой ночью, даже если его никто не тревожил. Поменять звонок никак не получалось. Просто Акакий до сердечного приступа боялся электричества, а Клавдия Сидоровна не могла придумать, какие проводки нужно соединить. Тимка же, роскошный пушистый красавец, так любил всех, кто приходит, так привык к тому, что его постоянно ласкали, тискали и даже угощали «Китикетом», что, едва заслышав шарканье у двери, ревом предупреждал хозяев о пришествии гостей. И если хозяева не торопились открывать, рев Тимки только нарастал. Судя по оглушительному кошачьему воплю, сейчас кто-то уже достаточно долго трезвонил в дверь Распузонов. Это был Жора. Молодой человек стеснительно краснел, потел и смущался.

– Ой, Жорик, проходи! Вот славно, что к нам заглянул, – запела Клавдия Сидоровна.

– Я и раньше приходил, только мне никто двери не открывал... Уходили, что ли, куда?

– Да, мы все ищем убийцу этой девчонки, мы же тебе рассказывали, – махнула рукой Клавдия Сидоровна. – Представляешь, она, оказывается, и вовсе не умерла, это какую-то другую прикончили, прямо путаница получается – то одну, то другую. Придется нам с Какой этим делом заняться, ничего не поделаешь, зло должно быть наказуемо.

Акакий только горестно вздохнул, вспомнив про умение хранить тайны. Супруга же, между тем, затолкала гостя на кухню и выставила перед ним все содержимое холодильника. Жорик не упрямылся и активно уминал недельные запасы пенсионеров.

– А я за этим и пришел, – пробормотал он с набитым ртом. – Вы же вчера говорили, что вроде Анна этим делом будет заниматься, так я хотел... Ну, в общем, я же с машиной, думаю, надо помочь.

Клавдия Сидоровна сложила руки пирожком и горестно поведала:

– Жора, я вижу, у вас неравнодушное, горячее сердце... Но, понимаете, Аня... Она сейчас просто не может... ее подружка попросила... В общем, она уезжает пока и не может принять участия в расследовании. Со временем, конечно, нам удастся ее переубедить... в смысле, она вернется, и тогда вы с ней сможете вместе... на твоей машине... А пока, ты знаешь, нам тоже очень нужна твоя помощь! – как-то незаметно перешла она на «ты».

– Ну... Вы же знаете, Клавдия Сидоровна, я всегда готов вам услужить...

Боже! Как он умеет говорить! И какого рожна этой Анютке нужно?! Высокий, объемный, руки – как экскаваторные ковши! Да за таким, как за каменной стеной! А какие у него милые веснушки... по всему телу! Нет, это был образцовый мужчина, не то что Акакий – щуплый и мелкий, как тушканчик. Клавдия мило покраснела и предложила страстным шепотом:

– Ты завтра заезжай за мной утречком, у меня жутко важные дела. Боюсь, что без тебя мне с ними не справиться.

У Жоры подскочили белесые кустики бровей, он внимательно посмотрел на женщину и поднялся.

– Тогда я поеду, надо машину подготовить.

После его ухода Клавдия с блаженной улыбкой вплыла в комнату и прицепилась к мужу.

– Кака, значит, выходит, что убитая девушка – не Белкина. Интересно, а кто она? И почему мы спутали девчонок? Да, ты говоришь, что сама Екатерина о чем-то говорила по телефону с неизвестным, и этот разговор показался тебе странным. И что же нам нужно выудить?

Акакий очень не хотел, чтобы жена рылась в этом деле, но отвязаться от нее было невозможно.

– В идеале, нам нужно узнать, с кем говорила Белкина, про какое убийство шла речь и вообще, кому грозит опасность? Само собой разумеется, что нам она ничего не объяснит, вот и придется собирать по крупинкам информацию, узнавать круг ее знакомых... очень рутинная и неинтересная работа.

– Конечно, поэтому тебе лучше остаться дома, а уж мы...

– Кто это «мы»? – насторожился Акакий.

– Мы с Жориком. Так вот мы и посмотрим, с кем это наша красавица хороводится.

Акакий захлебнулся негодованием, но решил действовать по-другому – пусть любимая женушка завтра дрыхнет до обеда, а он с утра смотается по своим делам, зачем ее будить? А потом можно будет на нее же обидеться, что, мол, храпит, как сельский мелиоратор, и все оперативные заботы ей по боку! Сейчас же ссориться не хотелось, потому что неизвестно, чем может такая ссора закончиться, а в кармашке у Акакия тихо ждала своего часа маленькая Любочкина визитка, написанная ее рукой. Настроение главы семейства настолько улучшилось, что он начал насвистывать веселенькую мелодию и тут же схлопотал по губам.

– Не свисти, денег не будет, – чуть не свернула ему челюсть Клавдия Сидоровна.

Акакий Игоревич не стал обижаться, а схватил мусорное ведро и выбежал на улицу. На обратном пути он заскочил в аптеку, попросил позвонить, где и договорился с Любашей о завтрашней встрече.

Клавдия Сидоровна никак не могла погасить в себе радость от встречи с Жорой, ей необходимо было, как говорится, выплеснуться, а выход был только один.

Анюта сидела перед зеркалом и украшала свою и без того приятную внешность. Девушка с удовольствием напевала бы легкую песенку, такое замечательное было у нее настроение, но тогда неудобно было бы красить губы. Вот интересно, работала Анна в мужском коллективе, была неглупа, внешности притягательной, а никого себе в мужья так и не нашла, кроме него, любимого. Уж сколько матушка знакомила дочь с молодыми обеспеченными людьми, а сердце по-прежнему принадлежало прежнему мужу – Володе. И, похоже, с ним творилось то же самое. Свекровка, мудрая женщина, молодых не торопила, но всячески способствовала их сближению. Вот и сейчас опять забрала Яночку на дачу, а теплые вещи взять «забыла», за ними должен зайти Володя. Поэтому Аня и сидит уже полчаса возле зеркала. Наконец раздался звонок в дверь и, покрасневшись, Анна побежала открывать. На пороге стоял муж. Она никогда не считала его бывшим и всегда втайне надеялась, что у кого-то из них двоих хватит ума вернуться. Хотелось бы, чтобы у Володи. Под мышкой супруг держал букет нежных роз, а Ане торжественно протягивал бутылку вина. Коробка конфет и вовсе выглядывала откуда-то из внутреннего кармана.

– Впустишь? – еле слышно пролепетал он.

– Конечно... Я всегда тебе рада... – искренне ответила жена.

Потом они сидели за столом, и только второй бокал рубинового напитка развязал им языки.

– Ты знаешь, я так долго думал... Я не могу без тебя и Яночки... Я... Я даже согласен терпеть свою тещу. Если она хочет, пусть живет с нами, но только чтобы вы были рядом!

Аня счастливо засмеялась.

– Ну что ты. Теперь и я не смогу жить вместе с мамой. Мы просто будем приходить к ней в гости. Или пусть она приходит... Но не постоянно!

Володя усмехнулся, взял Аню за руку и еще раз повторил, страстно глядя в глаза любимой:

– Пусть будет что угодно, но только чтобы ты была со мной...

Неизвестно, каких бы еще нежностей наговорил соскучившийся супруг, но раздался телефонный звонок. Аня нехотя оторвалась от любимого и подошла к трубке.

– Алло, слушаю вас.

– Анюта, деточка, ты чем сейчас занимаешься? Я хотела тебе рассказать – приходил Жора...

– Мама! Мне сейчас некогда, я тебе сама перезвоню.

– А что у тебя произошло?! Ты нездорова? Может, врача? – забеспокоилась мать.

– Да ну что ты! Просто... Просто у меня на плите подгорает молоко... Я перезвоню, – соврала Аня и бросила трубку.

Она подошла к Володе и уселась теперь не за стол, напротив него, а прямо к мужу на диван, так он был ближе.

– Понимаешь, Анюта, – продолжал Володя, тепло обняв ее, – я ведь раньше как думал – ну, есть у меня семья, я ее, конечно, люблю, и все это неизбежно, так будет всегда! А когда потерял вас... Господи! И по какой дури! Бросить любимую женщину из-за того, что теща пылает ко мне повышенным вниманием! Какая глупость!

Телефон снова ожил. Аня улыбалась, старательно не замечая звонка, но постепенно ее улыбка становилась напряженнее и превращалась в жалобную гримасу.

– Алло! – не выдержала она.

– Анечка, ты уже выключила молоко? – снова раздался знакомый голос.

– Нет же, мама!

– Так ты что, сгущенку варишь? Ты поставь кастрюльку на медленный огонь, и молоко никуда не денется. Так я что тебе хотела сказать...

– Мама! Ну я же сказала – я перезвоню сама!

– У тебя там не молоко? Ты гостей принимаешь? – догадалась Клавдия Сидоровна.

– Да, мама. Ко мне пришли коллеги, мы с ними обсуждаем... мы обсуждаем одну рабочую деталь. Я сама перезвоню.

Аня подошла к столу и налила вина в оба бокала.

– Так что ты говорил? – спросила она, протягивая мужу вино.

Муж крикнул, взял бокал и залпом осушил его. Потом некоторое время помолчал и снова отважился на разговор.

Они говорили долго. Сначала Володя признавался в собственном малодушии и каялся. Потом Аня плакала и корила себя за глупость. Потом пошли пылкие признания в любви и не менее пылкие объятия. Очнулись супруги от звонка в дверь.

– Если это мама... – поднялась Анна с озверевшим лицом.

– Анюта, успокойся, главное, у нас все хорошо, – успел шепнуть ей муж.

В дверях стояла Клавдия Сидоровна собственной персоной.

– Анечка, ты уж прости, не утерпела. Как узнала, что у тебя твои сотрудники, бросила все и прибежала. Надо же узнать, что случилось с той девушкой в парке.

– Ма-а-а-ма! Ты заботишься о ком угодно, только не о своей дочери!

– Не мели ерунды. Я о тебе забочусь в самую первую очередь. Я уже решила – вы вместе с Жориком будете вести это дело, мужчина замечательный. Что ты меня держишь в прихожей?!

Клавдия Сидоровна, несмотря на протесты дочери, прорвалась в комнату и удивленно заморгала:

– А где же сотрудники?

В комнате никого не было. Аня тоже с недоумением оглядела пустую гостиную и только пожалала плечами.

– А что же ты мне так долго не открывала? – накинулась на нее мать. – Чем ты тут занималась?

– Я... Я... это... гадала... Я, мама, вызывала духов, ну, спросить кое-что по работе, ну и... сама понимаешь, не до тебя было. Только-только нашла астральную связь, а тут ты все испортила.

– Чего это я испортила? Очень вовремя пришла. У меня тоже парочка вопросов накопилась. Давай говори, что делать, вместе гадать будем.

У Ани из груди вырвался стон. И вдруг в комнате послышался странный звук, весьма напоминавший мычание коровы, а потом неизвестный «дух» произнес:

– Кла-авдия Си-и-и-идоровна, немедленно покиньте помещение-е. На все ваши вопросы духи будут отвечать вам по месту прописки-и-и.

Клавдия Сидоровна сначала опешила от неожиданности, потом же бурно начала сопротивляться:

– А чего это по месту прописки?! Когда я еще до дома доберусь! Вот пока на все вопросы не ответишь, не уйду, хоть ты режь меня! Так, мне надо узнать...

– Мама, – горестно проговорила Аня. – Если ты ослушаешься, кара падет на меня.

Клавдию Сидоровну просто раздирали противоречия. С одной стороны, только спроси – и тебе тут же назовут имена всех преступников, да еще и причины распишут, а с другой – очень не хотелось подставлять под удар родную дочь. Ее и так судьба по голове шархнула, весь умишко отбила – дочка никак не хочет знакомиться с Жорой. Клавдия Сидоровна еще какое-то время боролась с собой, но потом родительская любовь одержала верх и, промокнув платочком слезы обиды на духа, сердобольная мать покинула дом дочери.

– Так ты мне вечером перезвони, – напомнила она, спускаясь по лестнице.

Едва за Клавдией Сидоровной захлопнулась дверь, как из платяного шкафа вывалился красный и потный Володя.

– Ф-фу, кажется, сегодня я отвоевал наш вечер. Аня, а какие вопросы твою матушку терзают?

– Да понимаешь, у них там что-то непонятное произошло, то ли нашли кого, то ли еще что... – лениво отмахнулась Анна, но все же пересказала то, что ей было известно.

Володя внимательно выслушал жену, потом почесал затылок.

– Я, конечно, могу ошибаться. Но мне кажется, надо помочь старикам. Ты же можешь.

– О чем ты говоришь! Ты думаешь, это так просто? – завелась было Аня, но потом прикусила язык. – Ты действительно изменился. Я, пожалуй, постараюсь помочь, если сумею. Только давай об этом не распространяться, идет?

Клавдия Сидоровна приплелась домой в крайне расстроенных чувствах. Нет, надо же, с ней даже не захотели разговаривать! Ну хорошо, она вызовет духа на дому. Только вот как это делается? Она даже не спросила у Ани. Клавдия тут же набрала номер дочери, но телефон отозвался только длинными гудками. Ну что ж, значит, придется проводить расследование самостоятельно, без помощи потустороннего мира, по старой намеченной схеме. Завтра с утра они вместе с Жорой к делу и приступят. И все же утром все ее планы рухнули. Уже в девять часов заявила раскрашенная невестка Лилечка и принялась тормозить Клавдию Сидоровну.

– Мамочка, вставай. Мне надо с тобой серьезно поговорить!! Мама же!!

Клавдия Сидоровна старательно не просыпалась. С первого же слова она сообразила, что невестке нужно от нее, потому что мамой Лиля свекровь называла, только когда надо было попросить денег. В быту же звала ее просто тетей Клавой или, когда уж совсем была сердита – Клавдией Сидоровной. Акакий был не столь наблюдателен и принял тревогу невестки за чистую монету.

– Лилечка, может, я чем могу помочь? Что произошло? – закрутился он возле смазливой молодухи.

– Ах нет, что вы! Это наши, чисто женские секреты, – потупила взор девушка, и Акакий, улучив момент, быстренько выскочил из дома.

Клавдию разобрало любопытство – что это за секрет появился у невестки, и матрона купилась. Сладко потянувшись и зевнув во весь рот, Клавдия Сидоровна открыла глаза:

– Ой, Лилечка!! Какой приятный сюрприз! А что ты здесь делаешь в такую рань?

– У меня большое несчастье, Клавдия Сидоровна! – захныкала девчонка. – Хочу купить ведро смородины, а Данила не хочет, чтобы я занималась хозяйством. Ну и денег не дает на ягоду. А мне так хотелось научиться хозяйничать!

Клавдия с пониманием покачала головой. Конечно, эти мужики никогда не могут понять тонкую женскую душу!

– Вот я и подумала, – продолжала Лилечка, – раз уж вы получили за машину часть денег, не могли бы мне выделить на ягоду тысяч пять?

– На ягоду? – ужаснулась Клавдия. – Ты хочешь купить плантацию?

– Так ведь еще сахар, – горестно покачала головой девушка.

Клавдия не стала вникать в хозяйственные нужды сына. Ну, может, девчонка хочет не одно ведро купить, а десять... или двадцать... Быстренько отсчитав нужные деньги, Клавдия было уже решила заняться косметикой – как-никак должен был приехать Жора, но Лиля не уходила, а уселась на кухне и налила себе чаю.

– Ты бы, детка, поторопилась за ягодой-то, – напомнила ей Клавдия. – Да и мне пора, ты же знаешь, мы с Какой решили расследовать дело с девушкой. За мной сейчас должны подъехать.

– Этот рыжий, что ли? Как его... Жора, кажется? – презрительно дернула губкой невестка.

– Он. А чего это ты о нем с таким пренебрежением? Замечательная партия для Ани, – обиделась Клавдия Сидоровна.

Лиля закинула ногу на ногу и, покачивая тапкой, скривилась.

– И что вы в нем нашли? Громадный, рыжий, весь в веснушках, не понимаю. Для Ани самая лучшая партия – это Гаврила, я же всегда вам говорила. И красавец, и дом имеет свой, и хозяйство опять же...

Гаврила был родным братом Лилечки. К своим тридцати пяти годам он успел занять четверых детей от трех жен, с которыми благополучно расстался, а чтобы разгневанные женщины не выцарапали ему глаза, удалился в какую-то деревушку на постоянное место жительства. В деревне осел в заброшенном покосившемся домике и занялся разведением кошек супермодной породы. В свое дело он вложил все оставшиеся деньги, которые чудом успел накопить, и даже какое-то время среди селян слыл бизнесменом. Однако такое простое на первый взгляд дело потерпело непредвиденный крах. Кошки оказались морально неустойчивы, сбегали из дома и отдавались деревенским котам, совершенно бесплатно, поганя дорогостоящую породу. Котята получались крепкие, выносливые, с густой красивой шерстью, но платить за них никто не хотел – по задумке кошки должны были быть лысыми. Обнищав окончательно, Гаврила страстно возжелал возвратиться в город. Понятно, что незамужняя Аня, имевшая стабильную зарплату да еще и собственную квартиру, просто выводила мужчину из себя. Она должна была войти в его положение и стать его женой! Именно об этом и говорила Лилечка каждый раз.

– Вот взяли бы да съездили к Гавриле в гости. Ведь не чужие же, – ворковала Лиля, приканчивая третью кружечку чая.

В двери застучали.

– Ты уже молчи про Гаврилу, – шикнула на невестку Клавдия Сидоровна и полетела к дверям. – Жорочка, я совершенно готова. А Лиля дверь захлопнет, когда пойдет.

Акакий летел на свидание, как только можно лететь в переполненном автобусе. Черт его дернул продать пусть старенькую, но еще рабочую машинку. Новую так и не приобрели, а деньги как-то подозрительно скоро кончаются. Выскочив на нужной остановке и пробежав еще добрых триста метров ковыляющим бегом, раскрасневшийся и потный, он явился в клуб. Суровый швейцар пропустил его без слов, едва лишь глянув на рукописный пропуск. Любочки нигде не было видно, и Акакий занялся созерцанием обнаженных тел. Теперь он мог заниматься этим, ни от кого не прячась. Конечно, можно было вспомнить про расследование, но уж больно не хотелось начинать утро с допросов. Он пока еще не настроился на рабочую волну.

– Акакий Игоревич! – раздался под ухом голос хозяйки заведения. – Вы, я вижу, сейчас не слишком заняты, пойдёмте, я покажу, какое у нас несчастье. Вы себе не представляете – опять стали чернеть листики у гардении. Мучаюсь с ней, мучаюсь...

Акакий Игоревич двадцать лет работал на металлургическом заводе. Работал, как все: прошел день – и славно. Но однажды он захворал, да так сильно, что с постели не мог встать. Пришли проверяющие из профсоюза, посочувствовали и оставили в качестве подарка бутылку кефира, замусоленную пачку печенья и книгу «Болезни домашних цветов». От безысходности Акакий прочитал книжицу от корки до корки, и у него вдруг родилось совершенно необъяснимое желание лечить домашние растения. Он перелопачивал груды литературы в поисках новых рецептов от той или иной заразы и очень скоро стал довольно знающим специалистом в этой сфере. Правда, слава о нем ползала только в среде знакомых, а это были люди не настолько богатые, чтобы оплатить и собственное-то лечение, не говоря уж о цветах, и Акакий помогал им бесплатно. Вот и получалось, что опыт был, а денег не было.

– Пойдемте, посмотрите на мою красавицу, – щебетала Агафья Эдуардовна, подталкивая Акакия на второй этаж.

– Вообще-то gardения довольно капризное...

Умную речь цветочного Айболита неожиданно прервал пронзительный визг. Затем раздался крики и какая-то беготня. Акакий переглянулся с Агафьей Эдуардовной, и женщина, схватив его за руку, срочно потащила его теперь уже вниз.

– Да пойдите же скорее, что вы уперлись? – раздраженно бурчала она, перескакивая через две ступеньки. – Это там, в комнате персонала.

– Я пожалуй, загляну в другой раз, – бормотал Акакий, выдергивая руку.

– Какой другой?! Вы для чего просочились в этот клуб? Думаете, я вас пускаю только ради вашего удовольствия?! Нанялись расследованием заниматься, так и занимайтесь, – тащила она его в комнату персонала.

Акакию почему-то сделалось страшно. Он еще надеялся, что там ничего ужасного не произошло – ну ошпарилась какая-нибудь девчонка горячим чаем и заверещала на всю округу, с кем не случается. Но когда они ворвались в маленькую комнатку, у Акакия зануло где-то под коленками – оправдались самые худшие предположения. На полу корчилась девчонка и держалась за горло, лицо ее покрывали бурые пятна, а все присутствующие исходили истощенным криком.

– Катька! Катька отравилась!! Агафья Эдуардовна, Белкина умирает!!

– Молчать! – рявкнула Агафья Эдуардовна, и стенания присутствовавших оборвались. – Срочно вызвать «Скорую». Таня, вызови.

Девчонка, которую называли Таней, бестолково замотала головой и выскочила в коридор, хотя телефон находился здесь же на столике. Между тем несчастная девушка так и продолжала корчиться в муках.

– Что с ней? – сурово спросила хозяйка.

– Она ела, потом вдруг упала...

– Катька только печенье взяла и сразу... вот... – наперебой докладывали остальные работницы клуба.

– Я вызывала, только там никто трубку не берет, – вбежала запыхавшаяся Таня.

– Ничего не можете сами... – заворчала Агафья Эдуардовна и сняла трубку.

Она так грозно рычала в телефон, что бригада врачей появилась на пороге уже через пятнадцать минут, сверкая белоснежными халатами и колпаками.

– Отравление, – вяло произнес молоденький врач в старушечьих очках, даже не прикоснувшись к несчастной. Вероятно, именно он здесь был главным. – Чем травили?

– Мы ее не трогали, это она самостоятельно отравилась, – с испугом бормотали девчонки.

– Несчастливая любовь, что ли? – поинтересовался медик и приготовился что-то записывать.

Белкина слабо застонала и скорчилась еще сильнее.

– Рассказывайте, когда была попытка суицида и чем именно она травилась, – потребовал врач, разглядывая свои обгрызенные ногти.

– Молодой человек! – начала накаляться Агафья Эдуардовна. – Вы сейчас же отвезете пострадавшую в больницу, а через два часа сообщите нам о ее состоянии.

– Так, а чего это за два часа мы сделаем? Мы ее только на место определим...

– Надеюсь, это вам придаст скорости и старания! – гаркнула хозяйка коттеджа и брякнула перед изумленным врачевателем аккуратную денежную пачечку.

Очкастый парень забыл про свои ногти и бодро вскочил.

– Толя! Слава! Быстренько больную на носилочки... Быстрее! И весело потащили к машинке. Аккуратно! Всем спасибо, если что – вызывайте, – оскалился эскулап и вытолкнул носилки с несчастной за двери.

– Ну что вы мне скажете, мистер Холмс, – угрюмо спросила старушка, когда они вышли с Акакием из комнаты.

– Я хотел бы кое с кем побеседовать, вы мне позволите? – ушел от ответа Акакий Игоревич и снова нырнул в обитель работниц клуба.

Комнатка была не очень большой и предназначалась для кратковременной передышки улыбчивых сотрудниц. Вбежав в комнату, Акакий Игоревич сразу решил поставить точки там, где надо, то бишь – он детектив, а они допрашиваемые. И никаких утаек или недомолвок. Акакий старательно хмурил брови, выпячивал челюсть и стряхивал пепел в вазочку с конфетами, короче – изображал маститого детектива, как умел. Девчонки после всего случившегося и не думали замыкаться, они талдычили наперебой и подняли такой гвалт, что Распузону пришлось вызывать их по одной. Времени на это дело он угробил целую прорву, зато узнал много интересного.

Выяснилось следующее. Коттедж имел три рабочих этажа, четвертый был накрепко закрыт и предназначался исключительно для зимних нужд. Словом, Агафья Эдуардовна крутила свой бизнес вовсю. Она не только тешила жаждущих нудистскими забавами, но и сдавала прекрасные комнаты особо нуждающимся. За соответствующую плату, разумеется. В этих комнатах призваны были убираться горничные, на каждом этаже этим делом занималась одна девушка. Кстати, Белкина работала здесь именно горничной. Помимо этих девушек в штат входили еще две поварихи, две прачки, одна техничка, двое расторопных швейцаров, охрана для ночного времени, смотритель пляжа и он же садовник. Больше работников не было. Даже шофера не держали, Агафья Эдуардовна прекрасно сама водила машину, а при особо острой нужде с обязанностями водителя великолепно справлялся охранник либо свободный от службы швейцар. В утренние часы работы горничным было немного, поэтому они могли позволить себе выпить чашечку-другую кофе. Это не возбранялось. Вот и сейчас для легкого чаепития собрались три девушки – Таня Осипова, горничная с первого этажа, Валя Рогова, горничная с третьего, и Катя Белкина – со второго этажа.

– Катька была в хорошем настроении, выглядела так классно, потом откусила печенье и рухнула... – с недоумением рассказывала Валя.

– А кто принес это печенье? – поинтересовался Распузон. Он уже успел аккуратненько сложить его остатки в пакетик, как и подобает истинному сыскарю.

– Кто принес? Да никто. Оно всегда здесь лежит. Ну, когда кончается, тогда, наверное, новое покупают и приносят, но это мы уже вчера ели.

– А кто вам покупает?

– Откуда я знаю... Повариха, наверное, Жанна. Мы не приносим, – замотала головой Валя.

Потом Акакий допрашивал Жанну, но она тоже уверяла, что никакого печенья сегодня не приносила, а лежит оно уже дня три. Акакий Игоревич исправно переговорил со всеми, кто работает в клубе «У Агафьи», но ничего существенного у них не выудил, все бормотали одно и то же, а горничная Танечка так и вовсе понесла какую-то ахинею.

– Вы знаете, – зашептала она страстным шепотом, – мне Катька рассказывала, что как раз вчера нашла у себя под подушкой синий башмак.

Акакий, как и подобает человеку серьезному, посмотрел на нее, как на умалишенную.

– Давайте не будем про обувь. Уточните, под какой подушкой? Она что, ночевала здесь?

– А как же?! Мы все здесь ночуем, – выпучила глазки горничная. – У нас смена по неделе. А потом два дня отдыхаем, заменяем одна другую, это совсем не трудно. Вот как только наша смена начинается, мы сюда перебираемся, у нас и комната на троих. Номера же освобождаются, как правило, рано утром, вот и надо сразу после посетителей порядок навести, а это часов в восемь. Иногда и в два, а то и в три ночи. Я, правда, домой езжу, меня муж забирает, а девчонки частенько здесь ночуют. Так же удобнее.

– А почему же вы не видели никакого башмака? – ухмыльнулся Акакий, довольный своей сообразительностью.

– Так Катька сегодня позже всех поднялась, у нее весь этаж пустой был, куда ей торопиться.

– Понятно, пойдете, проводите меня в вашу спальню, – вздохнул Акакий и поднялся.

Комнатка, где ночевали три горничные, располагалась на третьем этаже. Небольшая, но очень уютная, вся в рюшечках и оборочках.

– Вот Катькина кровать, – показала Танечка и присела на свою.

Акакию было неудобно рыться при ней во всех постельных принадлежностях, но и выгнать девчонку он стеснялся. Распузон как раз призывно откидывал одеяло, когда в комнату заглянула любопытная мордашка Любочки. За всеми этими делами он совершенно выкинул из головы любимую девушку. Любочка только взглянула на кровать, и глазки ее тут же наполнились слезами, а ротик капризно искривился.

– У вас постельная сцена? Ах, извините, что помешала! Акакий! Я уже около часа жду тебя внизу! Если ты решил предложить даме постель, поторопись, я пока здесь посижу, – фыркнула она и вошла, вызываяще виляя задом.

Акакий засуетился и стал, нервно похихикивая, быстренько заправлять развороченную постель.

– Любочка, что ты придумала? Мы и не думали, хи-хи... Мы просто работаем, хи-хи-хи... У меня работа такая, понимаешь? Не куксись, пойдём домой.

– Это еще зачем?! – взвилась Любочка. – Я тебя столько ждала, чтобы домой отправиться?! Нет уж! Хочу в номера! Ты эту... рыжую сюда приволок, а мне... а меня...

– Любочка! Пойми, у меня к тебе высокие чувства!

Горничная Таня, усмехнувшись, вышла.

– Любочка, понимаешь, я... ты для меня божество... я не могу с тобой в номера... Но если ты настаиваешь, пожалуйста, – Акакий Игоревич распахнул двери, и девчонка за руку поволокла его, надо думать, в комнаты.

Акакий совсем уже было покорился судьбе и даже лихорадочно стал придумывать объяснения для Клавдии Сидоровны, но тут вынырнула откуда-то Агафья Эдуардовна и зычно скомандовала:

– А ну отцепись от мужика, ишь ухватилась! Акакий, ко мне! Быстренько в кабинет, мне срочно надо поговорить. А ты, милая, ступай, на пляже поваляйся.

Любочка поняла, что день сегодня не ее, и снова устроилась в холле ожидать неуловимого кавалера.

– Вот что я тебе скажу, – уселась за свой огромный стол Агафья Эдуардовна. – Ты у меня просил позволения что-то такое расследовать в моем доме, так я тебе и сама говорю – расследуй. Я не просто позволяю, я приказываю. У меня и правда творится здесь что-то непонятное, ты это разглядел раньше, чем я. Сегодня отравили Белкину. Ты должен узнать – кто?

– А... а почему бы вам в милицию не обратиться? – испугался вдруг Акакий. – Одно дело, когда ты расследуешь что хочешь и когда хочешь, и совсем другое, когда над тобой появляется начальник. Или заказчик, как правильно-то... Они, менты-то, куда проворней будут.

– Мне не надо проворных. Ты с людьми поговорил, знаешь теперь, на чем мой бизнес держится. Вот и подумай, можно мне в милицию?

– Господи... Ну сдаете вы комнаты... А что ж тут криминального? Может, у кого-то крыши нет над головой! По-моему, очень благородное дело...

– Не придуривайся. Или что, ты на самом деле решил, что я сдаю номера лишь для спокойного безгрешного сна?.. Боже мой, и этот человек еще собирается найти преступника... – вздохнула престарелая матрона. – Вот ведь послал бог недоделанного... ну да ладно, другого все равно нет. В общем так – если найдешь того, кто здесь воду мутит, эти деньги твои.

И она выложила на стол целую пачку... нет, не рублей, а настоящих долларов! Да за такие деньги... Да он всех преступников переищет, а своего найдет!

Глаза у Акакия так алчно заблестели, что старушка успокоилась.

– Вот и славненько, кто знает, может, и повезет дураку. А не повезет, так хоть муравейник расшевелит...

– Вы, простите, про какого дурака? – подобострастно пролепетал Акакий. – Если у вас есть какой подозреваемый на примете, вы говорите сразу, мне легче будет работать.

– Иди уже, ищи.

Когда Акакий спустился вниз, ему навстречу прыгнула Любочка, которая наконец дождалась своего часа.

– Акакий. Мне так грустно... – запричитала она. – Я только что услышала про Белкину... Представляю, каково тебе! У тебя, наверное, невообразимые муки! Я понимаю. Слушай, а поехали завтра на день рождения к моей подруге! Знаешь, там так прикольно будет, ты как раз и о своем горе забудешь, поедем!!

Акакий и не думал отказываться. Правда, он не совсем понял, о каком его горе идет речь, но решил не уточнять, дабы не портить себе настроения.

Глава 5

Седина в лысину...

Клавдия Сидоровна ехала в клуб на великолепном огромном джипе, и голова женщины сама собой поднималась выше и выше, а взгляд сделался высокомерным и самодовольным. Она даже попросила Жору опустить тонированные стекла, очень уж хотелось, чтобы в этой карете ее заметил кто-нибудь из знакомых. Но люди на остановках даже не оглядывались, в последние десять лет они привыкли видеть и не такие навороченные иномарки, и это Клавдию Сидоровну сильно раздражало. Вот ведь, сами стоят, ждут какого-то вонючего автобуса, а на нее, такую красивую и богатую, никто даже внимания не обращает! За своими расстройствами Клавдия не заметила, как Жора подкатил к клубу. Вывалившись из салона, Клавдия Сидоровна прошествовала к подъезду. Вход ей преградил опять тот же швейцар, но теперь она на него даже не обратила внимания. И совершенно напрасно.

– Вы будете платить? Вам к какому часу? – ехидно ухмылялся он.

Наверняка еще не забыл, как они с Акакием вчера притащились на своих двоих.

– Пропустите, у меня муж здесь работает, – важно сообщила женщина и добавила, кивнув на Жору: – Это со мной.

– Да хоть с кем. Ваш пропуск.

– Вот ведь нудный какой! Я же русским языком говорю – у меня здесь муж работает. Видную должность занимает, садовник, по-моему! Вот у него пропуск и есть.

– Вот он и прошел, – спокойно отчеканил швейцар и снова потребовал: – Ваш пропуск.

Неизвестно, сколько времени они бы перепирались, но тут к дому подкатила «Скорая помощь», через несколько минут на носилках вынесли девушку. Акакий, кажется, утверждал, что ее фамилия Белкина. Возле подъезда толпилась кучка работниц клуба. И Клава не растерялась.

– Кого это понесли? – прилипла она к одной из растерянных женщин.

– Катя это, горничная наша, – пролепетала девушка.

– И что ж это с вашей горничной стряслось? Никак порезалась? Или ошпарилась?

– Почему это ошпарилась? Где это она ошпарится? У нас ошпариться можно лишь на кухне, а я повар, и у меня на кухне кто попало не болтается! – обиделась женщина и направилась в дом.

Клавдия понимала, что ей надо, просто необходимо побеседовать с этой поварихой по душам и обижать работницу никак нельзя.

– Вот я сразу увидела, что вы очень аккуратная женщина. У вас, наверное, каждая кастрюлька на своем месте. Конечно, Катя никак не могла у вас ошпариться. Скажите, вы не могли бы мне уделить парочку минут?

Женщина пожала плечами.

– У меня мясо на плите...

– Так и пойдете к вам, вместе покараулим! – обрадовалась Клавдия.

– А у вас пропуск есть? – завела старую песню теперь уже и повариха.

– Откуда ж ему взяться? Мы же только поговорить...

Клавдия могла пройти якобы на пляж, но на обратном пути пришлось бы снова выложить кругленькую сумму. Но после того как она одолжила деньги Лиле, своей наличности ей хватило бы как раз дойти до крыльца.

– Ну тогда пойдете к вам в машину. Но только на десять минут. Вы что хотели узнать – как готовить суточные щи? Ко мне специально за рецептом люди приезжают.

– Ага, и про ши расскажете. Только сначала растолкуйте, что это за девушка – Катя Белкина? – живо пристала к поварихе с расспросами Клавдия, едва женщины уселись в мягкий салон. – Понимаете, моя дочь с ней дружит, а я переживаю – вдруг девчонка с плохой компанией свяжется, вы же сами небось мать, должны понять.

– Ох, и не говорите! С этой молодежью одна морока, – махнула рукой повариха. – У меня у самой сын связался...

– С Белкиной?

– Да почему с Белкиной, нет, он с парнями из соседнего двора связался, а я домой прихожу, слышу – от него спиртным пахнет! Я тогда...

– Вы про Белкину расскажите, а то у вас мясо на плите, – напомнила Клавдия.

– Так а что ж Белкина... Хорошая девчонка, порядочная... Добрая такая, никогда мухи не обидит. Я уж ей бывало говорю – возьми газету, шлепни муху, а она – да что вы, лучше спрей купить. Жалостливая была. Да оно и ясно – в семье-то какой росла! Мать проститутка, прости господи, отец ворюга, каких свет не видывал... всю жизнь девчонка в нищете. Никак не везло девахе.

– А где же проживала эта девчонка?

– Дак разве же кто знает? У нас тут вроде и условия хорошие, а только никто ни с кем дружбы большой не водит. Во время работы – все ладим, а помимо работы – у каждого свои заботы. Никто даже ни у кого в гостях ни разу не был. Откуда ж я должна знать, где она проживает. А так девчонка славная, не бойтесь за свою дочку, ничего ей Катька не сделает. Вот у меня дак и совсем не знаешь, что делать, – каждый божий день пьянки! Я уж...

– У вас мясо там пригорает, наверное, какой-то странный запах, с дымком, – прервала ее Клавдия, и повариха очень бодро понеслась в дом.

Клавдия спокойно смотрела, как неповоротливая повариха трусит к дому. Что-то не складывалось. То, что женщина не кривила душой, а говорила искренне, это Клавдия Сидоровна видела, ее тревожило другое. Зрелая работница кухни говорила, что Катерина Белкина была доброй и славной девочкой, а вот Акакий рассказывал про телефонный разговор, из которого вытекало совсем другое. Может, Кака ошибся, и по телефону говорила совсем не Белкина? Тоже не верится. Он так подробно описал ее, даже заколку из янтаря заметил. И Клавдия видела, на девчонке, которую несли на носилках, была именно такая. Что-то тут нечисто. И куда этот Кака запропастился?! Никогда не найдешь его, когда надо!

– Клавдия Сидоровна, а Аня когда начнет... это... делом заниматься? – вдруг ожил Жора. До сих пор он сидел молча и только тарачился на красивые балконы, где изредка мелькали полуодетые фигурки.

– Аня? Ах, Аня! Так она... даже не знаю, может завтра, может, чуть позже, – продолжала врать Клавдия Сидоровна. Она почему-то никак не могла сказать этому милому парню, что ее ветренная дочь напрочь отказывается связывать с ним свое будущее. – А ты завтра опять подъезжай. Ты сможешь?

– Так... смогу. Я вообще-то тоже добрый и... славный...

Ах, какой этот парень был замечательный! Это она, Клавдия, коварная женщина, сидит себе в его машине и даже забыла про него, а он так хочет ей понравиться, так хочет привлечь ее внимание! Вот он сидит к ней спиной, и ей даже так видно, что он робеет. И переживает из-за нее, из-за Клавдии. Давненько уже из-за Клавдии никто не переживал, даже Кака! Казалось бы, прожили тридцать лет, должны уже дышать одной грудью, а нет. Кака никогда ее не понимал. И не вздыхал вот так, как дышит Жора. И не говорил, что он славный... У Клавдии Сидоровны тихонько закружилась голова, и она вдруг со стыдом вспомнила, что ходила в парикмахерскую лет пятнадцать назад. И платья у нее нового уже лет десять не появлялось. И вес, опять же...

– Мы куда? – снова напомнил о себе Жора.

– Ах, Жорик, отвези меня к мастеру, – проворковала кокетка. – У меня сегодня запись в салоне.

– В какой салон?

– Какой? Ну... Вези в «Афродиту» или, на худой конец, в «Прелестницу».

– Да мне-то все равно, в каком у вас запись?

– Ах, правда... В «Юноне».

Небольшой салон «Юнона» находился рядом с ее домом, и хотя это заведение особым шиком не славилось, зато и расценки здесь были по карману любому желающему. А поскольку сейчас с деньгами была некоторая напряженка, то и хватало только на этот, с позволения сказать, салон. Сначала Клавдия Сидоровне нещадно мочили, трепали и всячески дергали ее многострадальную голову, потом долго щелкали ножницами где-то над ушами и в конце сеанса намазали все волосы бурой краской. Когда почтенная женщина глянула на себя в зеркало, у нее сперло дыхание – из огромного трюмо на нее смотрела пышная особа с маленькой, жалкой головкой, на темечке которой возвышался вызывающий апельсиновый гребень.

– Девочки... Это у меня что еще за восстание на голове?

– Ой, госсыди, ну прям совсем за модой не следят, – фыркнула девица, которая сооружала эдакую красоту. – Прическа – самый шик, называется «Улыбка какаду». Нам теперь все такую заказывают.

– Я вообще-то считала, что попугаи не умеют улыбаться, но теперь точно знаю – стоит только посмотреть на это безобразие, любой какаду умрет со смеху! – чуть не плакала Клавдия Сидоровна. – Немедленно уберите этот беспредел и соорудите мне нормальную, аккуратенькую стрижечку. А укладывать не надо, я уж лучше сама дома на бигуди накручу. Да, и покрасьте меня во что-нибудь приличное! Что ж это я, почтенная женщина, буду как морковка ходить!

Ушло еще добрых полтора часа, чтобы придать волосам более-менее сносный вид.

Дома Клавдия терпеливо вертела бигуди на коротенькие волосики, но, подсушив их и раскрутившись, осталась довольна – женщину всегда украшает некая новизна, конечно, если это не «Улыбка какаду». После Клавдия Сидоровна долго сидела перед аквариумом и рассказывала рыбам, как замечательно они с Георгием (рыбам она не позволяла звать его Жорой), как они замечательно сегодня вели расследование. Рыбы ахали, беззвучно раскрывая рты. Зато кот Тимка насмешливо улыбался своими хитрющими глазами. Не верил, гад. Но ничего, он еще увидит, на что Клавдия способна во имя любви.

Акакий вернулся домой весь задумчивый и сосредоточенный. Он вообще-то уже разучился и задумываться, и сосредотачиваться – этого давным-давно уже не требовалось, все образовалось и плыло вместе с пенсией и регулярной помощью сына. Сейчас же пришлось изрядно трудиться извилинами, чтобы соорудить хоть какие-то выводы. Стимулировали активность серого вещества соблазнительные пачечки денег, которые показала ему сегодня Агафья. И ведь самое главное, что Клавдия никоим образом не сумеет о них разнюхать. В том, что он сумеет распутать эти непонятности, Акакий Игоревич не сомневался. Жена, увидев мужа в таком серьезном расположении, могла бы принести чашечку кофе к дивану, но не принесла. Мало того, она прилипчиво стала расспрашивать Акакия о всех последних новостях в подробностях, да еще и налетела на супруга с криком – отчего это он не появился в самый нужный момент, когда им с Жорой позарез надо было пройти на пляж. В общем, в этот вечер они друга друга не поняли.

Утром Акакий проснулся от того, что весь пол под ним ходил, точно живой. «Землетрясение!» Акакий вскочил и прижал Тимку к своей ребристой груди. Спасать надо было самое дорогое.

– Ты чего так из кровати сиганул? – спросила Клавдия, кланяясь, как колодезный журавель.

Господи! Это не землетрясение. Это единственная женушка решила заняться гимнастикой! Вот зрелище-то! Спортивного костюма у Клавы никогда не было, оно и понятно – какая из нее спортсменка. Поэтому сейчас она отдавалась спорту в летнем огромном сарафане, который не сковывал движения. Клавочка решила заняться мышцами всерьез. Вот сейчас она, крикнув, присела и выкинула правую ножку в сторону, едва не придавив несчастного кота. Зверь обиженно вякнул и вспрыгнул на телевизор. Клавдия же не видела ничего вокруг и выкинула теперь левую конечность. «Вот и выступала бы с этим номером в шоу, какие бы деньги гребли», – тоскливо размышлял Акакий. Он уже нестерпимо хотел по малой нужде, но пробежать мимо непредсказуемой спортсменки не отважился – не дай бог под ее ножку попасть, инвалидность обеспечена. А у него сегодня званый вечер, он с Любочкой идет на день рождения.

– Ну, рассказывай, – пропыхла супруга, подсакивая высоко вверх. – Что там с этой Белкиной?

Акакий вчера еще, придя домой, подробно описал все, что произошло, и Клавдия рассказала ему про встречу с поварихой, но что делать сегодня, они не знали. Вернее, знали, только не могли придумать, как подобраться к матери Белкиной. Можно было опять съездить в институт и попробовать там выудить адрес, однако Клавдия не успела додумать эту мысль до конца, как зазвонил телефон. Акакий быстро подскочил к телефону и снял трубку, лицо его тут же скисло, и он скороговоркой забубнил:

– Нет, Даня, не могу. Ты же знаешь, у меня теперь работа, а вот мама обязательно поедет. Она уже давно хотела.

Клавдия вопросительно уставилась на мужа.

– Клава, – радостно сообщил он, едва положив трубку, – звонил Данила, сегодня, понимаешь, день рождения Гаврилы, Лилиного брата, и он всех нас приглашал к себе в деревню. Очень мило с его стороны, по-моему. Данила за тобой через часик заедет.

– А почему это только за мной? Ты тоже родственник, вот и поедем вместе!

– Ну как ты не понимаешь! Я же на работе! И потом, я подумал, может, Агафья знает, где проживает Белкина, не могла же она принять человека с улицы.

– Что ж ты раньше не спросил? – буркнула Клавдия.

Ехать к этому Гавриле ей совсем не хотелось. Видимо, Лиля упорно сватает братца Ане. Клавдия набрала номер дочери.

– Алло, мамочка? – прозвенел в трубке голос дочери. – Я сама хотела тебе звонить. Ты знаешь, только что Данила звонил, ты уже знаешь? Мам, я никак не могу сегодня поехать, просто никак. Ты возьми Янку с собой, пусть девчонка молока деревенского попьет.

– Откуда у Гаврилы молоко, от кошек? Хотя, конечно, Яночку возьму. Ну и сама бы поехала, чего уж...

– Ах, ну ты же знаешь, начнутся опять эти сальные шутки, намеки всякие. Что, я не понимаю, к чему весь этот праздник устраивается! Нет, ты уж сама.

Вот так всегда. Все нашли уважительный повод, чтобы не ташиться к черту на кулички, а ее никто даже не спросил – поедешь, да и все. А у Клавдии, между прочим, тоже сегодня запланирована встреча с Жорой. Зря, что ли, она вчера в парикмахерской столько угробила времени и денег. Зато теперь ей прическа даже нравилась! Стрижка, как у девочки! Кака, нахал, даже внимания не обратил.

Акакий был на седьмом небе от счастья. Это же надо, как все удачно складывается! Он все утро ломал голову, чтобы такое соврать жене, чтобы она с радостью отпустила его вечером. Сегодня Любочка пригласила Акакия на день рождения к своей подруге, и Акакий Игоревич намеревался присутствовать. Он уже вытащил свой единственный костюм-тройку и достал белую рубашку, осталось только подобрать галстук. Правда, галстуков у него было всего два, но надо было все же выбрать, какой из двух. А вот с Клавдией так ничего не придумывалось,

и вот тебе, пожалуйста, такая удача! Поэтому, когда подъехал сын, он радостно засуетился, закулил вокруг сумок и даже на прощание клюнул Клавдию в подбородок.

– Хоть отдохнете друг от друга, – проговорил Данила. – Видишь, мам, ты еще не уехала, а отец уже соскучился.

– А может, у него появилась какая-нибудь зазноба? – глупо лягнула Лилечка. – А что, седина... куда там что?

– Я тебя умоляю! Ну сама посмотри, кто на такое сокровище позарится? – отмахнулась Клавдия, и Акакий Игоревич стал дышать ровнее.

Ехать в деревню к Гавриле не пришлось, оказывается, Лилечка пригласила всех гостей братца в ресторан.

– Ну и к чему такие траты? – бухтела Клавдия Сидоровна, усаживаясь на изящный стул и пристраивая себе на колени Яночку.

– Ой, да какие траты! – радовался именинник. – Меня Лилька частенько в кабаки выводит, надо же мне в городе по-человечески отдохнуть!

Лиля пнула братца под столом, и парень умолк, покосившись на Данилу, который все это великолепие оплачивал. Однако для Данилы слово «родственник» было магическим. Он никогда не задумывался, зачем и для чего давать деньги, если речь шла о родне. Причем спонсировались как свои родители, так и родственники Лили до седьмого колена включительно. Поэтому его всегда безоговорочно уважали, и сейчас Даня восседал в ресторане на самом почетном месте – рядом с орущей колонкой. Клавдия Сидоровна по ресторанам хаживала нечасто, да чего там, всего два раза и была, и то в далекой молодости. Но сейчас ей сие питейное заведение не понравилось – во-первых, она принарядилась для деревни, во-вторых, она не умела так выплясывать, как остальные молоденькие девицы, а в-третьих, внучке Яночке здесь совершенно нечем было развлечься – даже мультфильмов не показывали. Пришлось ребенку объедаться шашлыками, виноградом и прочей ерундой вместо дегустации деревенского молочка. Поэтому Клавдия Сидоровна сердилась, но молодежь гуляла всюю, и она молча терпела.

Пока жена веселилась на семейном празднике, Акакий Игоревич гулял с молодежью. Гудел, так сказать. Любочка притащила Акакия в серую пятиэтажку, где в небурной двухкомнатной квартире отмечала свой день рождения такая же молоденькая девица. Именинницу звали Досей, точно хрюшку на рекламировавшемся порошке. Увидев Акакия Игоревича, она повела себя до крайности некорректно – вытаращила глаза, а потом, не смущаясь присутствием Акакия, обратилась к Любочке:

– Так это и есть твой подпольный миллионер? Да ты спятила! У него же костюм за тридцать деревянных! Фи...

– Дося, веди себя прилично, – зашипела на нее подруга и принялась приседать вокруг Акакия. – Ах, не обращайтесь внимания! Дося у нас, конечно, девушка хорошая, только ума бог не дал, вы уж не берите в голову.

Вскоре инцидент был исчерпан, и Акакий погрузился в кипучий досуг молодежи. Господи, как они пили! Они пили, сколько хотели, и ни разу не вспомнили про больные почки, потому что у них почки были здоровые. Как они ели! Они ели жирное, соленое, перченое и острое и ни разу не подумали о гастрите или язве, потому что у них не было ни того, ни другого. Боже, как они шутили! Они шутили пошло, дико и несмешно, потому что особого ума у них тоже не было. И все же как же здесь было хорошо! Никто не вырывал рюмку из рук, никто не грозил: «Кака, брось этот кусок, а то ночью загнишься!» Никто не ворчал: «Разве ты что-нибудь умное скажешь!» Здесь было всем на него плевать, и это было здорово. Рядом ворковала Любочка и то и дело подкладывала ему на тарелку жирные кусочки. И Акакий ел

много,пил сколько хотел, а потом он рассказывал неприличные анекдоты, и девицы визжали, а парни спрашивали Любочку:

– Люб, ты где эту мумию откопала? Во шпарит, пенек!

А потом он танцевал. Долго танцевал, или ему так показалось, потому что какая-то разряженная девица, увидев, как он плюхнулся без сил на диван, весело рассмеялась:

– Быстро вы с копыт съехали. Это еще хорошо, что здесь Белки нет, она бы вас точно до крематория довела!

– Зачем это? Что это за белки у вас такие – чуть что, и в крематорий? – огорчился Акакий.

– Катька Белкина. Она знаете как танцует! Отпад! Она же училась в школе с танцевальным уклоном, ей что, а вы бы с ней точно до инфаркта бы допрыгали. Ее только Вадька переплясать может, и то потому, что он мастер спорта по прыжкам. А вам куда, вы же уже пожилой!

Акакий проглотил «пожилого» и уточнил:

– В какой школе училась эта ваша Белкина?

– В хореографической... то ли в третьей, то ли в сто третьей, точно не помню, а вам зачем?

– Так это... я там преподавал какое-то время, – понес околесицу пьяный язык. – Так что мне ваша Белкина... А плясать я еще и не так могу.

И он пошел вприсядку, потом, после еще нескольких рюмочек, стал прыгать козлом и вертеть руками.

Очнулся Акакий Игоревич в коридоре своей квартиры. Было плохо. Холодно. В глаза будто насыпали песку, голова гудела невыносимо, ныла поясница и внутренности просились наружу.

– А вот и кормилец проснулся, – ласково пропела Клавдия, сжимая в руках мухобойку.

Акакий в ужасе зажмурил глаза, но было уже поздно. Эта несносная бабища хлестала его мухобойкой, как навозную муху! Как гнусного комара! Что она себе думает?! Клавдия, видимо, не думала ничего, она охаживала родимого супруга от всей своей широкой души, пока муженек, поскуливая, не сбежал в ванную.

– Я тебе покажу «Работа»! Я тебя отучу водку глотать! Ишь, моду взял!! – кричала супруга, поджидая его под дверью. – погоди, выйдешь ты у меня!

– Фигушки! Ни на того напала, фиг я тебе выйду! – мстительно шептал Акакий, зализывая ушибы.

Все тело болело, и самое страшное – нарастала боль в пояснице, и дико скручивало желудок. Вскоре недомогание стало таким сильным, что Акакий даже выбрался из укрытия.

– Давай-ка быстренько в постель, – приказала Клавдия, взглянув на него. – Почки расшалились или желудок?

– Ой, не тормози меня, и то и другое, – пополз Акакий к кровати.

Запахло лекарствами, жена принесла какую-то муть и целую пригоршню таблеток.

– На вот, выпей, – приказала она и налила в стакан бурлящей минералки.

Акакий выпил все, чуть не подавился, проглатывая таблетки, но все же справился, и через час ему заметно полегчало.

– Что это ты, батенька, позволяешь себе с таким-то потасканным организмом, – уже не злобно ворчала Клавдия. – Ты ж ведь уже, слава богу, не мальчик. Чего ж так надрался?

– Не бурчи, – хрипло одернул ее Акакий. – Я важную миссию выполнял. Узнал я вчера, в какой школе эта Белкина училась.

– Да на кой черт нам эта Белкина, если ты загнешься?! – всплеснула руками Клавдия.

– Так надо, – скорбно прошептал Акакий и провалился в спасительный сон.

Спал он будто бы недолго, спать бы ему да спать, но кто-то упрямо тряс его за плечи. Акакий разлепил глаза.

– Говори, в какой школе твоя Белкина училась? – выпрашивала Клавдия. Сейчас она была изрядно накрашена и, по всей видимости, куда-то собиралась.

– Подожди, дай сообразить... Жора, привет, и ты едешь?

– Не отвлекайся, соображай лучше! – цыкнула жена.

– Что тебе надобно? А-а, да, в какой школе... В сто третьей или в третьей, это я хорошо помню, – выдал информацию нашкодивший муж и снова отключился.

Клавдия Сидоровна была сердита. Вчера, сдав внучку Ане на руки, утомленная шумным Гаврилиным праздником, она вывалилась возле своего подъезда из машины Данилы. Сын, газанув, тут же упылил, а внимание Клавдии привлекла отборная брань, доносившаяся из такси. Она не могла пройти мимо и подошла к машине. На переднем сиденье скрючился пьяный в хлам муженек и игриво ухмылялся.

– Рассчитывайся давай... и уметайся!.. – орал разгневанный таксист.

– Не-е-ет, ты сначала отгадай, в каком кармане у меня деньги, – веселился Акакий.

– Да я сейчас тебя вообще без карманов оставлю!..

– Молодой человек, давайте я расплачусь, – не выдержала Клавдия и вытащила деньги. Обозленный шофер получил плату и вытолкнул престарелого шалуна прямо на тротуар.

Акакий отключился моментально. Клавдия взвалила на себя хмельного супруга и поперла в дом.

– Аккуратненько, не дрова несешь! – дрыгал ножкой дражайший, когда она при поворотах долбила его головой о стены.

Домой она дотащила свою ношу без приключений. Начала раздевать прямо в коридоре, муж болтался в руках, точно тряпичная кукла. Но когда Акакий остался уже в одних трусах, он вдруг открыл помутневшие очи и высокомерно произнес:

– Уйди, постылая! – а потом, презрительно сощурившись, добавил: – Т-ты даже не умеешь танцевать канкан!

И стал прыгать, выбрасывая узловатые коленки и высоко задирая семейные трусы. Потом запутался в собственных ногах, прыгнул, рухнул и уже не поднимался. Клавдия, обиженная такой благодарностью, величаво вытряхнула из штанов все оставшиеся деньги и затолкала их поближе к сердцу – в атласный прочный лифчик. Потом уже спокойнее глянула на мужа и принялась потрошить остальные карманы. В брюках она неожиданно обнаружила смятый пакет с печеньем. Ах, он невозможно мил, этот смешной Кака. Даже участвуя в пьянке, он не забыл о своей любимой супруге и припас для нее печенье, хотел порадовать.

Она, конечно, не любит такое – с корицей, но чтобы сделать противному мужу приятное – съела все печенье до последней крошки. Потом вспомнила про фигуру, прошла в комнату и принялась энергично качать пресс. Даже сегодня блудник Кака не пришел в себя, а ведь надо было узнать, что за человек эта самая Белкина. Ну, это-то они с Жорой и без Акакия выяснят, а его просто надо запереть на ключ, пусть будет наказан. Жора уже спустился, и Клавдия торопилась. И все же она успела мельком оглядеть себя в зеркало. Да, Жора, несомненно, находит ее интересной, и она его понимает. Ну да, конечно, молодость уже не та, но зато лицо! И прическа! Не зря все-таки она отдала столько денег! И фигура... нет, фигура, пожалуй, великовата. А глаза! Такого взгляда у молоденьких днем с огнем не отыщешь! Нет, она определенно была оч-чень интересная дама. Клавдия шаловливо потрянула головой и затопала по лестнице. Сегодня они с Жорой ехали в школу номер три. А потом в сто тридцать три, неизвестно, где училась эта Белкина. Парень выехал на проспект и завертел головой:

– Куда теперь?

– А я не знаю. Нам в школу номер три, – кокетливо повела плечиками Клавдия Сидоровна. Сегодня она выглядела замечательно и могла позволить себе некоторую игривость.

– А где это?

– Тебе видней, ты же за рулем.

Жора что-то бормотнул и принялся одной рукой шарить в бардачке. Вскоре ему удалось выудить оттуда карту родного города.

– Поищите, где там третья школа.

Клавдия обнаружила искомое не сразу. Пока она пальчиком возила по пестрому листу, Жора медленно катил вперед, но оказалось, ехать им следовало совершенно в обратном направлении. Проболтавшись еще около часа по дорогам, они добрались все же до нужного места. Школа была старая, кирпичная и ужасно унылая. В вестибюле сидела толстая тетка с платком на голове и вязала шерстяной носок.

– Здравствуйте, а мы к вам, – улыбочиво сообщила Клавдия.

У нее было на редкость замечательное настроение. Тетка отодвинула вязанье и подняла отрешенные глаза.

– Мы хотели спросить, у вас дети танцуют? – обратилась Клавдия Сидоровна.

– Когда ж моим детям танцевать? Они на работе так напляшутся, что домой без ног приползают.

– Да нет, вы не поняли, я об учениках вас спрашиваю. У вас в школе ученики танцуют? Занимаются плясками?

– Наши ученики чем хошь занимаются. Если че, так и сплясать могут, им все одно, у нас школа для детей с заторможенным умственным развитием. Так что наши и сплясать могут, и спеть, причем прямо на уроке.

Клавдия вздохнула и попрощалась.

– Нет, Жора, это не та школа. Нам, оказывается, сто тридцать третья нужна.

Глаза Жоры закатились куда-то под брови, но он их вовремя вернул назад, подавил вздох и молча развернул машину. Сто тридцать третья школа встретила их звуками аккордеона и детскими голосами. Было немного непривычно видеть детей в школе летом в таком количестве.

– Девочка, это школа с танцевальным уклоном? – спросила Клавдия пробегавшую девочку, не выходя из машины.

– Угу, а еще с математическим, с литературным и с музыкальным.

Клавдия, кряхтя, вытащила себя из салона. Странно, обучение в такой школе наверняка стоит немалую денежку, как же удалось пьянчугам-родителям держать здесь Катерину?

В здании школы кипела своя жизнь. По лестницам туда-сюда сновали мальчишки и девочки, где-то раздавалась музыка, откуда-то доносился смех и запах краски.

– Вы кого-то ищете? – спросила молоденькая девушка с рыжей огненной косой.

– А где у вас директор? – спросила Клавдия, понимая, что каждый уважающий себя начальник в такую жару находится в заслуженном отпуске.

– Ирина Николаевна на втором этаже.

Ирина Николаевна пребывала в своем кабинете не одна, а с группой подростков. Ребята в чем-то рьяно убеждали своего директора, и естественно, Клавдия появилась некстати.

– Вы Ирина Николаевна? Мне очень нужна ваша помощь, – начала Клавдия придуманную историю. – Вы не помните, у вас училась Белкина Екатерина?

– Почему же не помню, замечательно помню. Хорошая, добрая девочка. А почему вы спрашиваете? – внимательно разглядывала Клавдию Ирина Николаевна.

– Видите ли... Она устраивается в нашу фирму работать, а... а директор у нас очень серьезно относится к кадрам. У него даже служба специальная имеется, чтобы узнавать всю подноготную сотрудников. Вот, собственно, я и узнаю.

Подростки, видя, что внимания директора им ближайшие минуты не заполучить, нестройно забурчали и вышли из кабинета.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласила Ирина Николаевна. – Так что вас интересует?

– Все, если можно.

– Катя... Катя Белкина – девочка положительная. Ничего плохого о ней сказать не могу. Правда, я не учитель и с ней сталкивалась реже, чем преподаватели, но... Ничего необычного. Правда, немного тихоня, ну так это для работы даже полезно.

– А подруги у нее были? Где они, как зовут?

– Катя со всеми держалась ровно, кого-то одного, кто был бы с ней особенно близок, я назвать не могу. Это немного странно, но, вероятно, у девочки были подруги вне школы. Во всяком случае, ни нас, ни ее родителей девочка не настораживала.

Замечательно – скрытный ребенок, не имеет друзей, подруг, но зато добрая и хорошая. Понятно, что никого настораживать не будет. Хотя... Клавдия прекрасно знала в школе всех подруг Данилы и друзей Ани. Тьфу, наоборот! Так отчего же родители Кати, которые сумели определить ребенка в такую школу, не интересовались ребенком дальше?

– А где проживают ее родители?

– Мать... У нее только мать. Она проживает... сейчас посмотрю... – Ирина Николаевна поднялась, порылась в высоком, до потолка, шкафу и вытащила на свет божий пухлую папку. – Вот... Они проживают в переулке Кирпичном, дом двадцать шесть, квартира четыре. По крайней мере проживали.

– Уточните, пожалуйста, имена родителей.

– Мать – Сватова Елена Адамовна, – послушно продиктовала милая директор.

– А отец?

– Отца нет.

Клавдия не понимала – то есть как нет? А вор? Потом догадалась – девчонка в школе просто стеснялась такого папаши, вот и продиктовала пустую графу. А может, постеснялась сама матушка.

– Хорошо, вы очень помогли не только нам, но и самой Катерине.

– Если что-то нужно уточнить, пожалуйста, приезжайте, спрашивайте, – приветливо улыбнулась Ирина Николаевна, и Клавдия удалилась.

Глава 6

Хамелеон меняет окраску

Теперь надо было найти этот Кирпичный переулок, но его-то как раз Жора знал.

– Вы хоть рассказывайте мне что-нибудь, – вдруг прорвало парня. – А то мы целый день разъезжаем, а куда, зачем... Может, я тоже что дельное подскажу...

Милый, милый Жора! Он так хотел быть ей полезным. Почему-то некстати вспомнился родной муж Кака. Вот уж кто не старался ей угодить. Куда они идут, что делают, все равно, лишь бы его не дергали. Клавдия Сидоровна отогнала ненужные мысли и, как могла, посвятила Жору во все подробности.

Дом двадцать шесть в переулке Кирпичном был неказистым – двухэтажное строение, которое уже лет двадцать надеется на ремонт. Квартира четыре оказалась на первом этаже вонючего подъезда. Поэтому Клавдия рассчитывала, что дверь им откроет несвежая дама с пропитым лицом. Однако на пороге показалась очень приятная женщина с немного испуганными глазами.

– Сватова Елена Адамовна здесь проживает? – вежливо поинтересовалась Клавдия.

– Это я... – растерянно пробормотала женщина. У нее было такое лицо, будто она каждую минуту ожидала неприятностей.

– Нам бы хотелось поговорить...

– Да, – весомо поддакнул Жора.

После того как Клавдия Сидоровна посвятила его в эту непростую историю, он решил присутствовать на всех встречах. Для большей значимости, как он объяснил.

– Поговорить... – снова испугалась Елена Адамовна и наконец опомнилась: – Да вы проходите! Я вот тоже растерялась и даже не предложила пройти, проходите.

Клавдия Сидоровна и Жора важно прошествовали в маленькую уютную комнату. Вокруг все блистало чистотой и поражало современностью. Огромный телевизор, новый диван, добротный ковер на полу – не верилось, что здесь обитает пропойца, да еще и проститутка. Хотя, кто их знает...

– Мы с вами хотели побеседовать о Кате, – начала Клавдия после того, как женщина притащила в комнату чайный сервиз и поставила перед ними целую вазу сладостей. – Понимаете, она к нам пришла устраиваться, а мы ничего толком о ней не знаем. Вот и хотелось с родителями пообщаться. Расскажите, для начала, что у вас за семья. Я вас очень прошу, будьте откровенны. Вы же понимаете, всегда важно знать о человеке все, тем более о своем работнике.

– Так, а что рассказывать... Живем с дочерью, как все... Правда, сейчас... Вы знаете, вы лучше с ней сами поговорите, я даже не знаю, что и сказать.

– Ну, с ней мы тоже побеседуем, хотелось бы от вас что-нибудь услышать, – говорила Клавдия.

Ее настораживала такая беседа. Как-то странно себя ведет Елена Адамовна. Такое ощущение, что она даже не знает, что ее дочь находится в больнице. А может, и в самом деле не знает? Тогда почему не всполошилась, что Катерина домой столько времени не появляется? Или думает, что она на смене? Непонятно.

Елена Адамовна между тем уперлась взглядом в стену и совсем уж сникла.

– Спрашивайте. Если что действительно надо – отвечу.

– Да вы не волнуйтесь, у нас самые обычные вопросы. Вот скажите, к примеру, где вы работаете?

Женщина равнодушно пожала плечами и просто ответила:

– Я работаю товароведом в торговой фирме «Успех». Получаю достаточно хорошо, правда, не сумасшедшие деньги, но на еду хватает, даже кое-что удастся приобрести. В общем, не жалею.

– А что, фирма «Успех» телами торгует? – корректно спросила Клавдия.

– В каком смысле – телами? – выпучила глаза Елена Адамовна.

– Ну... Господи, что тут непонятного! Фирма – это что, сутенер ваш? Или вы только ночью подрабатываете?

– Что вы имеете в виду?

– Давайте играть в открытую, вы же проститутка?

– Я-а-а?! – задохнулась женщина от негодования. – Я прости... Да ка-а-ак вы смеете?!!

– Ой, ну не кричите так, я же не утверждаю, а только спрашиваю.

– Уходите немедленно!! Вон!!

– Подождите же! – поднялась во весь рост Клавдия Сидоровна. – Мы можем уйти, но Катерине это вряд ли пойдет на пользу. Я пришла с вами не ругаться, а выяснить некоторые детали...

– Например – насколько я падшая женщина?!

– Не только. Мне хотелось еще спросить, за что сидит ваш муж? Он что, банк ограбил, квартиру или какого-нибудь воротилу разбомбил? – торопливо спрашивала Клавдия.

– Да вы что-о-о? – зашипела Елена Адамовна. – Вы что, решили надо мной издеваться?!

И сервизная чашечка полетела Клавдии в голову. Прямо со свежим чаем.

– Тихо, – хлопнул по столу ладонью Жора, и обе женщины от неожиданности поперхнулись. Жора говорил негромко, но значительно. – Вы, Елена Адамовна, неправильно ставите вопросы. Я бы на вашем месте произнес: «С чего вы это взяли?», или что-то в этом роде. Мы не маленькие детки, чтобы тащиться к вам на другой конец города, чтобы вас дурочкой обозвать.

Женщины с уважением посмотрели на мужчину и уселись, как примерные гимназистки, потом Елена Адамовна послушно поинтересовалась:

– С чего вы это взяли?

– Так ты же не даешь рта...

– Тихо, Клавдия Сидоровна, – снова припечатал активистку Жора. – Вот теперь мы вам ответим, Елена Адамовна. А взяли мы это с того, что к нам поступила информация, якобы Белкина Екатерина воспитывалась в семье неблагополучной – отец у бедняжки вор и давненько мотает за это срок, а матушка зарабатывает на жизнь, чем может.

– Чем? – не поняла «матушка».

– Чем может. Вот и давайте разбираться, где тут правда.

Елена Адамовна переводила сумасшедший взгляд с одного гостя на другого. Потом до нее, видимо, дошло, что собеседники ее не разыгрывают. Она вся сразу как-то сникла и бесцветным голосом стала рассказывать.

В этот город приехала Елена молодой, но серьезной девушкой из далекого провинциального городка. Его и городком-то нельзя было назвать, так, полугород, полудеревня. А этот сибирский центр казался ей невероятно огромным, шумным и богатым. Сразу захотелось здесь остаться, и девчонка понимала, что ничего невозможного тут нет, просто надо работать, как лошадь. Вскоре эти трудолюбивые животные могли ей только позавидовать, потому что ни одна лошадь не смогла бы утром вертеться на работе, вечером просиживать в институте, а в оставшиеся часы умудряться листать учебники. А когда уже и институт был закончен, и на работе все сладилось – ей даже квартиру одной из первых дали.

Вот тогда-то она и решила заняться семьей. Да только поздно оказалось. Город хоть и большой, а встретиться со своим единственным было не так-то просто. Тот, кто ей нравился, был уже женат, кому нравилась она... Господи, да никому она не нравилась! Чему там нравиться-то? Серая мышь, да и только. Не знала, как мужику слова сказать, где улыбнуться,

где подластиться... Только уж очень хотелось семьи, а еще больше просто ребенка. Девочку. Чтобы банты во всю голову, чтобы платица абажурчиком, чтобы голосок, как колокольчик... Подруги советовали: «Да захомутай ты мужика на одну ночь, дело-то плевое! Зато потом ребеночек будет!» Но советовать-то всегда легко, а вот как честь свою порушить, будь она трижды неладна! Однажды соседка, тетя Зина, теперь уж ее нет на свете, потихоньку домой к Лене прибежала, прямо ночью.

– Ой, Ленка, чего скажу! К нам в больницу славную такую девчушку подбросили, уже второй месяц живет, никто не объявляется. И по телевизору спрашивали, и в газеты объявления давали, никто не приходит. Ты... это... забрала бы девчонку-то, а? Ну уж больно жалко сиротинку-то. Ей уже года три будет, никаких пеленок да сосок не нужно... А наш главврач с документами все устроит, переговорит с кем надо... Чего ж ее в детдом отдавать-то? Такая славная.

Вот так и появилась Катенька у Елены. Любила ее добрая женщина без памяти. На курорты – каждый год, в садик – самый лучший, в школу – самую престижную, а уж про игрушки, одежду и говорить не стоит. Елена сама о себе не помнила, только о доченьке пеклась. Когда Катюше было лет десять, нагрянула неожиданно на Елену любовь. Захлестнула, закружила... И мужчина попался серьезный, начальник цеха, вдовец, сыну двенадцать лет. Чем не семья? Елена в первый раз в жизни почувствовала, что значит быть по-настоящему счастливой. Хотя... даже и тогда не прочувствовала этого до конца. Вроде все здорово у них с Александром Матвеевичем складывалось, да только Катюша диким ревом взревела – не хочу никакого дядьки в доме! И хоть что ты с ней делай. Александр Матвеевич так решил: давай распишемся, а девчонка никуда не денется, стерпится – слюбится, а уж я ее никогда не обижу, настоящим отцом буду.

Да и не дело это, чтобы дети родителям жизнь диктовали. Елена сомневалась, но уж очень хотелось обычной семьи, чтобы у Катюши был отец, у нее – муж, да и ухажер славным человеком оказался. Расписались они потихоньку. А когда Катюша узнала, из дома сбежала. Елена всю милицию на ноги подняла, только на четвертый день беглянку отыскали. Больше Александра Матвеевича в доме не было. Вот так и закончилось Ленино замужество. Поэтому и вышло, что она Сватова, а Катя Белкина. Стали жить дальше. И уже забылось все, что произошло, только изредка мать потихоньку плакала в подушку, но потом быстро успокаивала себя. Может, так оно и лучше. Да только стало еще хуже. Когда Кате исполнилось шестнадцать, Елена рассказала девочке, что она не родная мать. И будто поломали девчонку. Дерзить стала, пропадать ночами. После школы ни учиться, ни работать не хотела. Так, где-то числилась, да и только. А потом вдруг за ум взялась. Пришла как-то домой и говорит:

– Мам, я в Москву хочу ехать, поступать.

– Да что ж, тебе здесь места мало? В Москву-то какие же деньги нужны! – всплеснула руками мать.

– О, господи! Да какая разница! Если на что порядочное учиться, так что там, что здесь денег прорва уйдет, так зато там и заработать можно. Или ты хочешь, чтобы твоя дочь гнила в этой дыре?

Елена, конечно же, не хотела. Катя уехала, и через два месяца пришло радостное письмо, что дочь поступила в московский экономический вуз. Елена от радости сама не своя носилась. Всем знакомым тыкала в глаза это письмо – а моя-то!... Правда, денег на учебу уходило много. И на содержание дочери тоже. Ну так ведь Елена неплохо получала. Много ли ей надо одной? А Катеньке и одеться, и покушать, и так, кое-какие безделушки... Елена только что получила письмо, где Катерина сообщала, что удачно закончила семестр. Елена Адамовна в этот день возвращалась с работы домой. Ее автобус не ходил в этот день, уж неизвестно, что там с ним произошло, пришлось ехать с пересадками, и вдруг мать в переполненном автобусе увидела

свою Катюшу! Вот она была, совсем рядом, сидела в соседнем ряду! Елена подскочила и, не сдерживаясь, закричала на весь салон:

– Катенька! Доченька! А что ж ты домой не заехала?! Поехали вместе!! Вот радость-то!!

И услышала холодное:

– Женщина, вы меня с кем-то спутали.

– Катюша! Да ты что?! С кем же я тебя спутаю! Девочка моя, что с тобой?! – кинулась

Елена с объятиями.

– Женщина, ведите себя прилично, – оттолкнула ее Катя и на следующей остановке вышла.

А потом... потом Елена ее больше никогда не видела. Это было год назад, и ошибиться она не могла. Елена даже отчетливо видела маленькие часики на руке Катерины, это были ее часики – маленькие, золотые, единственное, что осталось от покойной матери. Лена подарила их дочери на шестнадцатилетие.

– Вот и все, – устало проговорила Сватова. – Я ее даже не искала. Зачем? Деньги посылаю регулярно, а вот писем от Кати больше не приходило ни разу. Потом-то я сообразила, посмотрела на штампы старых конвертов – московской отметки не было ни на одном.

Клавдия утирала платком мокрое от слез лицо и смачно хлюпала багровым носом.

– Мы... мы поедem... – проговорила она. У нее больше не хватало наглости терзать эту бедную женщину.

Всю дорогу Жора ругал Катерину отдельно и всех баб оптом. Клавдия только еще пуще заливалась слезами, и к тому моменту, когда они подъехали к дому, лицо ее напоминало мясистый помидор. Клавдия решила прогуляться по улице, чтобы успокоились нервы. Если честно, то хотелось, чтобы Жора кинулся ее утешать и топтался бы рядом, это было бы так романтично, но парень, едва лишь пассажирка вылезла из салона, газанул изо всех сил, и машина в одно мгновение скрылась из виду. Клавдия прошла мимо знакомых ларьков. Здесь ее все знали, она была постоянной покупательницей, и многие даже давали ей в долг, если не хватало мелочи. Вот и сейчас, увидев размоленную физиономию почтенной дамы, какая-то торговка газированными напитками подскочила к ней и сунула в руки бутылочку пепси.

– Женщина, выпейте, деньги потом принесете.

Клавдия уже хотела было пригубить, но не вовремя увидела свое отражение в зеркальном окне неизвестной машины. Отражение было каким-то уж чересчур безобразным, напоминало бесформенную тучу, и Клавдия пить не стала. Аккуратненько поставила бутылочку в урну, чтобы не увидела сердобольная торговка. Домой матрона не торопилась, чего она там не видела? Опять Кака будет страдать с перепоя, а ей придется таскать ему лекарства. Гораздо лучше было ходить вот так и думать о прекрасном. Например, о Жоре. Как же решительно он взял сегодня ситуацию под контроль! А как он говорит! Голос тихий, но настойчивый. Вон и Елена эта моментально прекратила чашками кидаться...

Ой, точно, она же попала ей прямо в щеку! Так вот почему у Клавдии перекосило правую сторону! Вот и помогай после этого людям. Ну ладно, хоть буянка потом рассказала, что такое из себя представляет эта Белкина. Да уж, пришли за ответом, а унесли еще целый куль вопросов. Почему Белкина уехала от приемной матери? Ясно, ей так было удобней – и денежки получала, и контроля никакого... Так, но ведь Елена говорила, что к учебе девчонку не тянуло, а они с Какой выяснили, что девчонка все же училась в институте. Правда, не в московском. А как эта пигалица выкачивала из матери деньги! Вопрос о морали отпадает. Сейчас не время заламывать руки и вопрошать, как же она могла! Могла. Интересно другое – зачем Белкина выставляла свою мать проституткой и еще приплела отца-вора? Можно было бы понять, если девочка напридумывала себе папу-губернатора и маму – народную артистку, но алкоголиков-то зачем? Неясно. И еще из головы не выходила убитая белокурая девчонка в парке, под кустом...

Клавдия Сидоровна увидела мужа еще на подходах к дому. Он торчал в форточке и, завидев ее, завопил срывающимся фальцетом:

– Клава-а-а!! Клав, срочно беги домой!!

Первое, что пришло на ум напуганной женщине, – разбился аквариум и несчастные, беззащитные рыбки валяются по всему ковру. Конечно, те, что не успели попасть в розовую пасть Тимки. Подобрал цветастую ситцевую юбку, Клавдия запрыгала через две ступеньки по лестнице.

– Скажи мне, несчастье мое, что у нас на этот раз?!

– Клава! Признавайся, куда ты дела печенье из моего кармана?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.